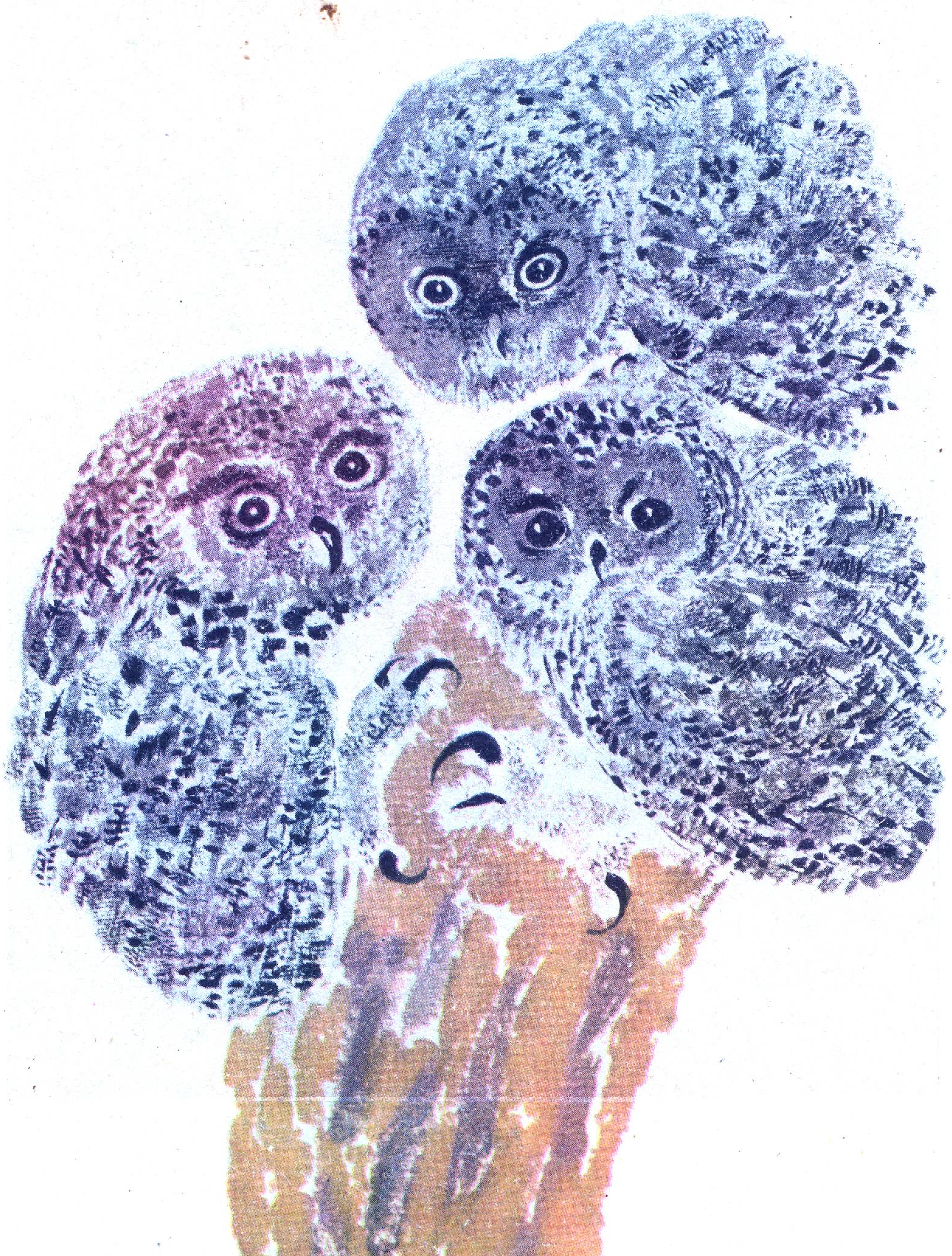
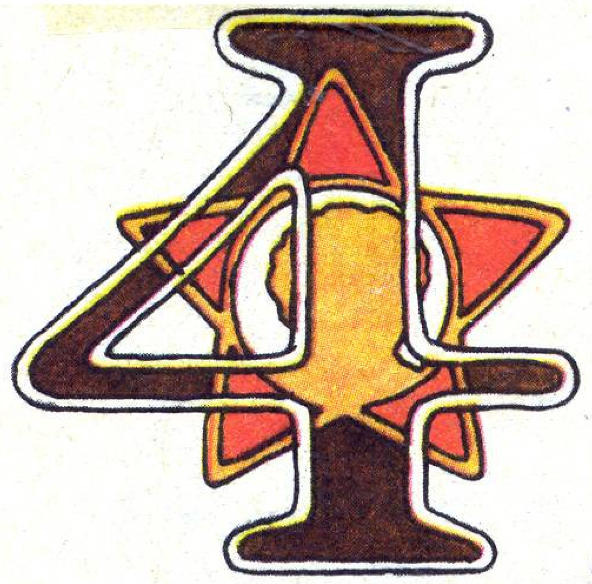
# Мурзилка

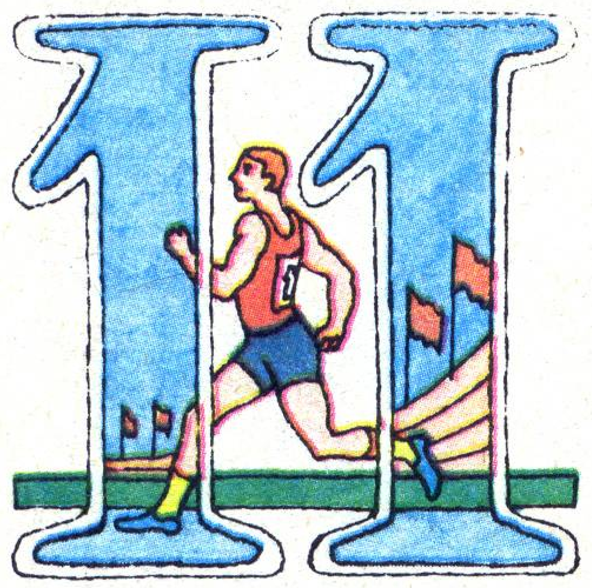
АВГУСТ
№ 8
1979

ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА ДЛЯ ОКТЯБРЯТ

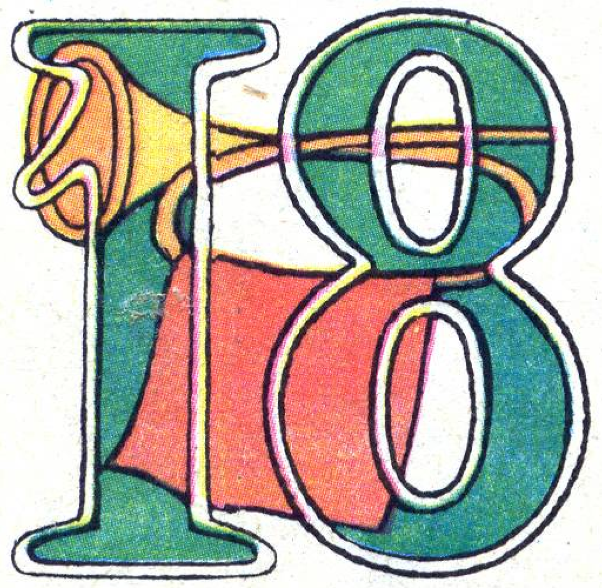




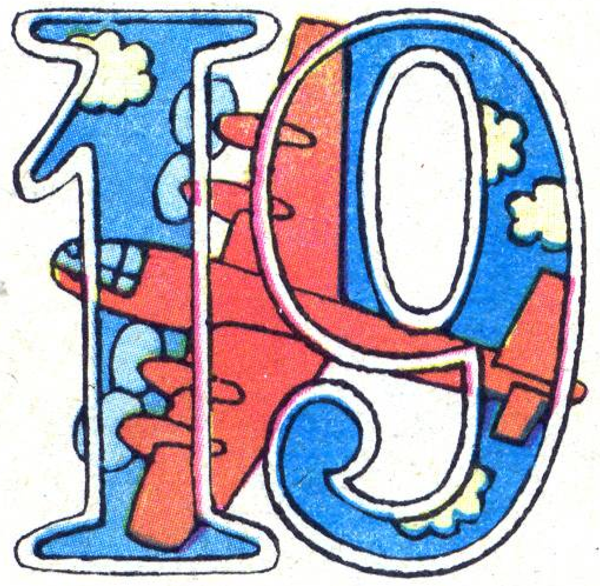

**АВГУСТА —**
**55 ЛЕТ ОКТЯБРЯТСКИМ ГРУППАМ В НАШЕЙ СТРАНЕ**




**АВГУСТА —**
**ВСЕСОЮЗНЫЙ ДЕНЬ ФИЗКУЛЬТУРНИКА**




**АВГУСТА —**
**50 ЛЕТ СО ДНЯ ОТКРЫТИЯ ПЕРВОГО ВСЕСОЮЗНОГО СЛЁТА ПИОНЕРОВ**




**АВГУСТА —**
**ДЕНЬ ВОЗДУШНОГО ФЛОТА СССР**

## 2 Страница


*В. Степанов,*
*участник VII Всесоюзного совещания молодых писателей*


Сколько утреннего света
За распахнутым окном!

По земле гуляет лето,
Ходит лето босиком.

Сколько ветра
И простора!
Сколько песен и цветов!
Даль полей
И гул моторов.
Эхо ранних поездов.

Сколько лета,
Сколько солнца,
Сколько зелени кругом!

Вместе с птицами проснёмся,
Вместе с травами растём.

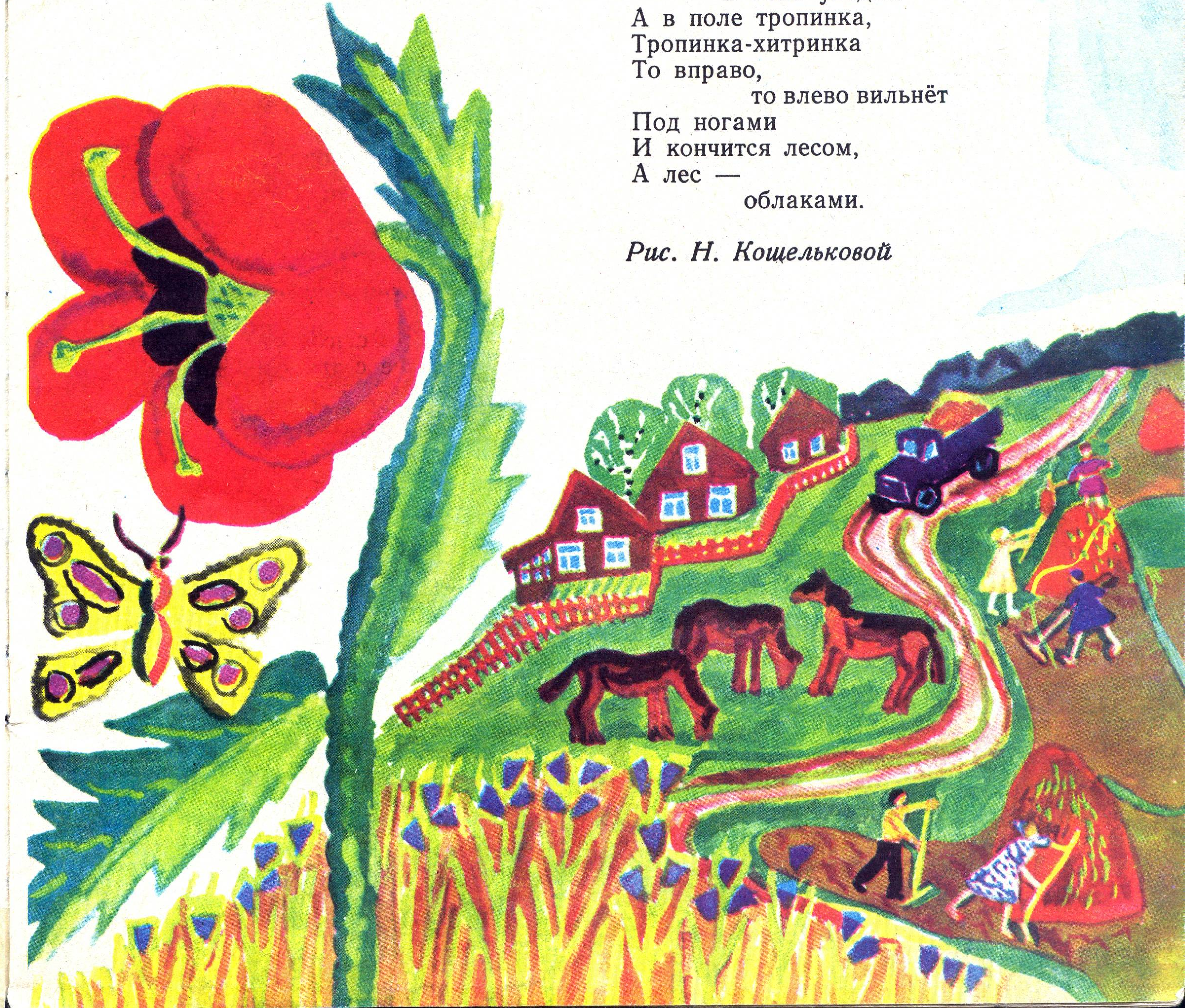
© «Мурзилка», 1979 г.

Распустился на лугах
Ранним утром
красный мак.
Словно чашка чайная,
У него цветок.

А над чашкой кружится
мотылёк.
И когда согреется
В ней роса ночная,
Из неё цветочного
Он напьётся чая.

Сбегают ступени
С крыльца
на дорогу.
Дорога
в поля уведёт.
А в поле тропинка,
Тропинка-хитринка
То вправо,
то влево вильнёт
Под ногами
И кончится лесом,
А лес —
облаками.

*Рис. Н. Кощельковой*



*С. Романовский*

# БЕСЕДА

Я родился в низовьях великой реки Камы и давно хотел побывать в верховьях, где она малым родником берётся из земли.

По железной дороге я утром приехал на станцию, от которой до этого родника сорок километров.

Было воскресенье. Автобусы и автомобили отдыхали. Где взять машину?

Подумал я, подумал и пошёл в милицию. Там работа очень ответственная, и машины всегда на ходу.

Дежурный милиционер козырнул мне, и тут же зазвонил телефон.

— Не стряслось ли чего? — встревожился я.

— Стало быть, по угорам рыжики пошли? — кричал милиционер в трубку. — Не червивые? Ни одного червивого нет? Так не бывает...

Только он повесил трубку и ожидательно посмотрел на меня, как опять зазвонил телефон.

— Двойню родила? — кричал милиционер в трубку. — Так не бывает... Поздравляю... Ты ничего не перепутал, Евграф Христофорович? Мальчик и девочка? Золотые дети. Крёстным отцом зовёшь? Приглашаешь?

Он повесил трубку, сказал мне:

— Сейчас.

И принялся набирать номер.

«Зачем мне людей отрывать от дела? — рассудил я про себя. — Дежурный отвечает за весь район. Транспорт ему нужен для срочной работы. А мне спешить некуда. За день не успею к роднику — дойду за два, за три».

И потихоньку вышел из милиции.

По пути попалась мне старуха с тяжёлой корзиной на сгибе руки. Содержимое корзины было неплотно прикрыто рябиновыми ветками с красными ягодами. И я углядел ярко-рыжие, веснушчатые, одна к одной, литые шляпки, поздоровался с грибницей и спросил:

— Рыжиков набрали?

Старуха, не останавливаясь, ответила:

— Разве это грибы? Сброд один...

— Как на подбор грибы! — вдогонку похвалил я. — Где набирали, если не секрет?

Не оглядываясь, старуха уходила от меня.

И я опять один пошёл по дороге среди лесов, холмов и опольев.

Люди мне больше не попадались, а на опушке леса, огороженной жердями, встретились мне лошади — мать и сын. Были они рыжие, со светлыми гривами и хвостами и очень удивились, когда увидели меня.

Я подошёл к изгороди и спросил:

— Вы что, человека в глаза не видели?

Лошади слушали и, обдавая меня тёплым дыханием, тянулись к рукам, к лицу.

Я развязал рюкзак, достал буханку хлеба, разломил пополам, одну половину положил обратно, а от другой стал отламывать куски и с ладони кормить лошадей по старшинству — сперва мать, а после сына.

Они ели с достоинством, не торопились, не отталкивали друг друга и, прядая ушами, прислушивались к моему голосу:

— ...Иду вот с утра от станции Кез до села Кулига. Исток Камы посмотреть. Исток Волги видел, а Камы нет, хотя и родился на Каме. Хочу воды попить из начального камского ключа... Много ли отдыхал в дороге? Да так, не особенно. Ходить пешком я люблю...

Как они слушали!

Лошади даже есть старались помедленней, потише, чтобы не пропустить ни одного моего слова. Возможно, до конца они не понимали меня, но стосковались по человеческой речи и общий настрой признания, приязни, конечно же, улавливали.

Они разглядывали меня фиолетовыми глазами, и в глазах этих угадывалось спокойное желание продолжить беседу или, во всяком случае, необязательно с угощением, побыть подольше со мной.

— Что же, — сказал я, — поговорим. Беседуйте...

И не стал развязывать рюкзак, где лежала вторая полубуханка.

Они подождали, не скажу ли я ещё чего-нибудь. Лошадь потянулась к жеребёнку, ощекотала его лоб белыми струями пара из ноздрей.

И я это понял так:

— Это мой сынок. А у тебя есть дети?

— Есть, — ответил я. — Тоже сын...

Легонько лошадь положила голову на круп жеребёнка, и это я принял как вопрос:

— Большой или маленький?

— Большой, — обрадовался я. — Из армии пришёл. Служил на горячей точке наводчиком-артиллеристом. Досталось ему. Зимой рыл окоп для орудия. Морозы жгли — ломы ломались. Железо крошилось...

Я долго рассказывал про сына:

— ...Большой! Выше меня ростом. А для меня он всё равно маленький.

Жеребёнок дотронулся до моей щеки мягкими губами:

— А мать у тебя есть?

— Мать есть, — ответил я. — Старая она. Была учительницей. Двойки не любила ставить. «Я, — говорит, — подожду, когда ты выучишь и ответишь на четвёрку». А четвёрки и пятёрки ставить любила! Даже с плюсами. Четыре с плюсом. Пять с плюсом. И я у неё учился в классе. Но это давно было. Сейчас она на пенсии...

Я надел рюкзак на спину и сказал:

— До свидания, игреневые! Может, ещё увидимся.

Лошади пошли вдоль изгороди провожать меня, но прошли они немного — изгородь не пустила — и остановились головами к дороге.

Я помахал им рукой и пошёл среди стерни, серой от дождей. В ней чернели, а то и по-июльски синели васильки.

От дороги я свернул на тропинку, и она привела меня в широкий, по-весеннему зелёный дол, где росли черёмухи с могучими стволами и берёзки. Одна берёзка была больше и много старше других — мать им или бабушка. Раскидистая, с плакучими ветвями, она вырастала из невысокого крутосклона и припадала к колодцу с двухскатной крышей. На коньке крыши сидела деревянная утка-широконоска носом к Каме, что выбивалась из-под колодца. Да под колодцем, под влажным срубом его была проложена неширокая бетонная труба.

А из неё падала вода — Кама родилась!

Я умылся чисто-начисто, развязал рюкзак, достал хлеб, отведал воду из начального камского ключа, и она была чистая и вкусная.

А после опустился на траву рядом с родником и, запивая водой, поужинал хлебом.

И усталость мою как рукой сняло!

Пока светло — самое время пойти бы в село Кулига и договориться о ночлеге.

Да уходить отсюда неохота...

В синие леса садилось солнце, дотрагивалось до лица моего и рук, и Кама, изгибаясь золотым стеблем, падала из трубы в траву, пробиралась к озеру, красному от заката. В озере на отражении солнца плавала дикая утка и резким кряканьем собирала утят. Утята разноголосицей отзывались на её зов и спешили со всех сторон к матери, оставляя на червонной воде белые бегучие дорожки.

И ладонью тихонько-тихонько, неприкасаемо я дотрагивался до золотого стебля воды, что падал в траву и точился в ней, созывал другие родники, с рождения набирался сил для долгого пути — в две с лишним тысячи километров.

— Не скажу, чтобы всю жизнь, а лет с семнадцати я шёл к тебе и не мог прийти по разным причинам, — говорил я начальной Каме и запоминал всё, что близко и далеко. — Вот и пришёл, Кама-Камушка... Вот и свиделись... Спасибо тебе, светлая...

*Рис. В. Лосина*



*Владимир Орлов*

# ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

**Идёт паучок**
**По воздушной тропинке,**
**Идёт паучок**
**По чужой паутинке.**
**Идёт боязливо,**
**Идёт осторожно,**
**Наверное, страшно ему**
**И тревожно.**
**Как видно, впервые**
**Он вышел из дома,**
**И всё, что он слышит,**
**Ему незнакомо,**
**И всё, что он видит,**
**Ему неизвестно,**
**Но так интересно!**
**Но так интересно!**
**Идёт паучок**
**По воздушной тропинке.**
**Идёт паучок**
**По чужой паутинке.**
**Тропинку оставил**
**Другой паучок:**
**Он видел, что следом**
**Идёт новичок.**

*Рис. В. Хлебниковой*

*Поздравляю всех детей земного шара*
*с самым приятным и длительным праздником на свете —*
*Международным годом ребёнка.*
*Сам я давно не ребёнок. Мне пятьдесят лет.*
*Я вижу и угадываю, сколько детей родилось и выросло*
*после меня. Мне спокойно, что в мире много молодых*
*весёлых людей — есть на кого положиться.*
*Двадцать лет я пишу для детей повести и рассказы*
*с надеждой, что дети меня правильно поймут*
*и будут жить в мире и дружбе между собой,*
*стремиться к благородству и доброте.*
*Дети — это будущее человечества.*
*Я представляю, сколько новых настроений, новых мыслей,*
*забавных ситуаций несут в мир дети.*
*Особенно я уважаю в маленьких детях самостоятельность.*
*Про это и написал свой новый рассказ.*
*Старался написать его с улыбкой.*

*Виктор Голявкин*

# ХЛЕБ, СТУЛ И ПОРТРЕТ

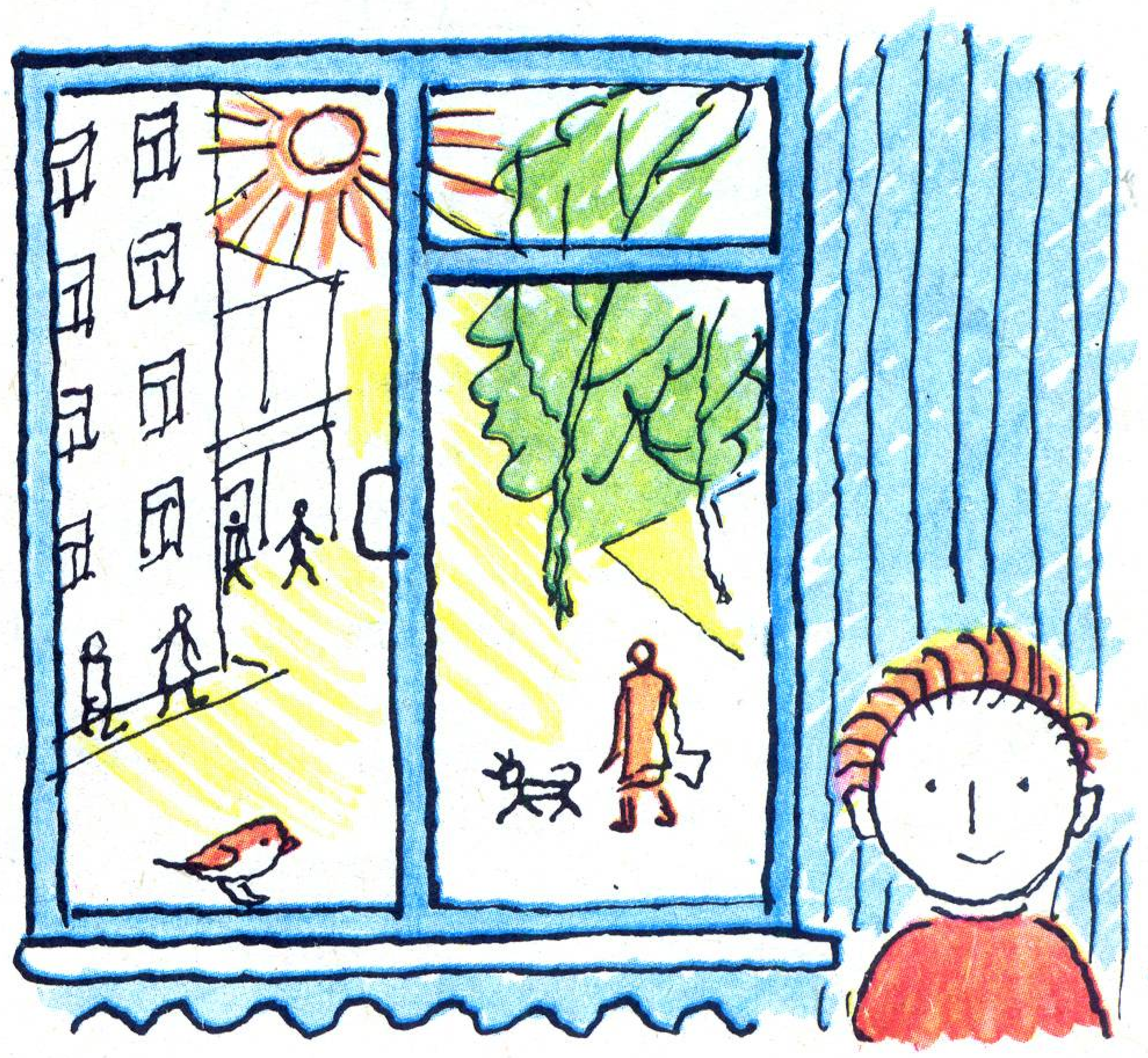
Они ушли, а я один остался.

Смотрю в окно: вон они идут, бабушка с кошёлкой и моя собака Пташка. Пташка рядом с бабушкой бежит, на дом оглядывается, наверно, хочет мне лапой помахать.

Небо синее. Облака. Солнце светит, и деревья качаются. Кругом летают воробьи и даже к нам на подоконник садятся.

Хорошо на улице.

Но мне надо стул починить, который я сломал нечаянно. Пока никто об этом не знает. Я так здорово на нём раскачивался, что он не выдержал — развалился.



Сначала в кухню пошёл. Открыл холодильник, там еда разная. Надо подкрепиться.

Я взял хлеб. Отрезал кусочек и солью посыпал. Попробовал. Вкусно. Но ещё чего-то хочется.

В холодильнике масло взял, на хлеб намазал. Вкуснее стало. Но ещё чего-то хочется.

Я взял из холодильника яйцо и сварил его.

Я ел хлеб с маслом, с яйцом и с солью. Очень вкусно. Но ещё чего-то хочется.

Варенья с хлебом поел. Ещё чего-то хочется.

Пить хочется. Вот молоко — молока попил. Киселя попробовал. Воды захотелось.

Налил из крана в стакан воды. Выпил воду — наконец наелся!

Правильно бабушка говорит: хлеб — самая вкусная еда, а вовсе не пирожные. С хлебом всё можно есть. Без хлеба было бы хуже.

Ушёл из кухни, взял молоток и гвозди.

Я вколачиваю в стул побольше гвоздей, чтобы он крепче держался и больше никогда не разваливался.

Готово. Можно спокойно кому хочешь садиться и сидеть сколько угодно. Ни за что не сломается.

Ещё один гвоздь в стену вбиваю. Свой портрет на него повешу. Чтобы все видели, какой я толковый человек.

Убрал молоток.

Так. Всё в порядке. Никто не может сказать, что в доме некому гвоздя забить.

Смотрю на свой портрет. Хороший, между прочим, портрет получился. Улыбающийся!

*Рис. В. Гусева*

*Э. Максимовский*

# ЖИВАЯ ВОДА МАНГЫШЛАКА

*Шёл 1918 год. Шёл в борьбе и тревоге, в суровой схватке с голодом, холодом, многочисленными врагами Советской страны. Владимир Ильич Ленин каждый день решал сотни неотложных задач. Но успевал подумать и о тех, что будут стоять на очереди завтра, через год и через несколько десятков лет.*

*В своей работе, которая так и называлась «Очередные задачи Советской власти», Владимир Ильич мечтал о том дне, когда нам станут служить гигантские богатства, спрятанные глубоко в земле в труднодоступных местах — например, на юге-востоке страны.*

*Сегодня эта ленинская мечта стала явью.*

В лимонно-жёлтый цвет выкрашено на географических картах пространство между Каспийским и Аральским морями. Здесь находятся огромные и до сих пор ещё до конца не изученные каменистые пустыни. Одна из них — Мангышлак.

В жаркую пору задыхается от жажды Мангышлак. Нет здесь пресноводных рек и озёр. Летом не бывает дождей, а зимой — снега.

И вот в это пекло 25 лет назад пришли люди и стали строить город. Огромное богатство хранят недра Мангышлака — «чёрное золото» — нефть!

На скалистом берегу Каспия вырос современный город — Шевченко, самый зелёный на восточном берегу моря.

Однако мало посадить в пустыне акацию или тополь. Как и всему живому на Мангышлаке, дереву нужна вода. Рядом, словно в гигантской ванне, плещется Каспий. Но его вода не годится ни для питья, ни для полива растений, от неё отказываются животные. Она горько-солёная. Поначалу пресную воду везли через море в больших металлических баржах. Но воды не хватало быстро растущему городу. А до нас ещё сказано — сколько в пустыне воды, столько и жизни.

И вот несколько лет назад на Мангышлаке впервые появилась... река. Да, самая настоящая река, с берегами и прозрачной глубиной, которая стала поить водой город, промышленные предприятия, зелёные насаждения. Второй такой реки нигде в мире нет.

Начинается она у... атомного реактора, построенного на окраине города. Загружается атомная печка один раз в два-три года и это время работает без новых порций горючего.

Полученное тепло идёт на опреснение морской воды — мёртвой, солёной, которая любое растение может погубить, если такой водой его поливать. При нагреве вода превращается в пар, как в чайнике, если долго его кипятить. А соли, которые придают воде горький вкус, отделяются. Пар охлаждают и получают пресную воду. А чтобы она была вкусней, добавляют в неё другие, полезные человеку и растениям соли и пускают течь по руслу под открытым небом. Это делается для того, чтобы вода надышалась кислородом. Потому и назвали

её живой — такая вода оживляет пустыню. И с каждым годом всё больше становится зелёное пятно на карте Мангышлака, внутри которого находится город Шевченко.

А река эта ныне знаменита на весь мир. Хотя названия ей ещё и не придумали. Приезжают посмотреть на неё люди из разных стран. Много на земном шаре пустынь. В Африке, Азии, Америке. Даже в Европе есть пустыни. Всем интересно и очень важно узнать, как советские люди готовят живую воду, как обуздывают пустынный Мангышлак.

*Рис. В. Чапли*

*Н. Сладков*

# КТО ТАКОЙ?

*Дрозд*

Сидел на пеньке птенец. Что птенец — сразу видно, а чей птенец — непонятно. Дрозд увидел птенца и спрашивает:

— Ты чей, малец, будешь? Кто ты такой?

А птенец в ответ только глазами моргает. И говорит:

— Знать не знаю и ведать не ведаю. Маленький я ещё, чтобы знать!

— Маленький, а из гнезда выскочил! — Дрозд говорит. — Зачем выскакивал, коли маленький?

— Захотел — и выскочил! — стрекочет птенец.

— Смотри, какой языкатый! — обиделся Дрозд. — Лучше бы знал, как зовут тебя. Желторотый.

— Во-первых, не желторотый, а красноротый! — пищит птенец. — А во-вторых, откуда мне знать, как зовут меня, если мне не говорил никто?

*Птенец*

И в самом деле не желторотый, а красноротый. Головатый какой-то, кургузый, рябенький. Таких Дрозд ещё не встречал.

— Ты прислушайся к голосам, — говорит птенцу. — Сейчас все своих птенцов созывают: тетери тетеревят, утки утят, дрозды дроздят, галки галчат. Может, и тебя позовут.

Птенец прислушался, повертел головой туда-сюда и задремал. Дрозд только крылышками всплеснул:

— Чего же ты, сирота, не откликаешься никому?

— А кому? — открыл глаза птенец. — Я же не знаю, кто я? Кому же мне откликаться?

— Дела... — растерялся Дрозд. — Но не может же так быть, чтобы имени не было! Даже самая маленькая букашка и та имеет название. Люди всему название дали.

— А мне не дали! — упёрся птенец. — Я и людей-то в глаза не видел. Как же они меня назвать-то могли?

— Дела... — задумался Дрозд. — Вот птенец так птенец — безымянный! Первый раз такого встречаю. Слушай меня внимательно! — Дрозд птенцу говорит. — Вот я Дрозд. А она Сорока. А вон на ветке вниз головой висит Синица. У каждого есть своё имя. А ты кто такой, куриная твоя голова?!

— Ты считаешь, что у меня куриная голова?

— И откуда ты только свалился такой на нашу голову?..

— Ты считаешь, что я свалился? Впрочем, так и есть! Свалился. С дерева загремел.

— А где ты сидел на дереве — на ветке или в гнезде?

— Ни в гнезде, ни на ветке — в дупле я сидел. Темно и ничего не видно. Высунулся посмотреть и упал...

— Синичонок он скорее всего! — говорит Сорока. — Синичата всегда по дуплам сидят. Эй, Синица, тут синичонок сидит — не твой ли выскочил?

*Сорока*

Синица перевернулась, быстрым глазом глянула и снова повисла вниз головой.

— Что вы, — пищит, — да он один больше всей моей дюжины! И мои послушные, без вызова из дупла не выскочат. Да и рано им, животы ещё голые! А этот, Сорока, не твой ли будет? Уж неуклюжий больно и головатый...

*Синица*

— Ну уж нет! — затрясла Сорока хвостом. — Мои красивые и летают давно!

Тут снова вступился Дрозд:

— Хоть помнишь, какого цвета яичко было, из которого ты вылупился в дупле? Или не помнишь?

— Как же мне помнить, если я из яичка слепым вылупился? — удивился птенец. — Да и в дупле темно было.

— Да... — опечалился Дрозд. — Дела...

А Сорока спрашивает:

— Кто кормил тебя в дупле? Их-то ты должен помнить!

— Кормили меня хорошо и часто. Что было, то было, не стану врать. А вот кто кормил — не разглядел. Я рот свой так разевал, что ничего перед собою не видел. А проглочу, рот закрою — и нет уже никого!

— Может, ты хоть голоса запомнил? Учили же тебя папа с мамой свистеть! Свистни, мы по голосу и узнаем.

— Голоса я хорошо помню. А вот повторить не могу. Не получается у меня!

— Вот это птенец! — ахнул Дрозд. — Ни в мать, ни в отца! Даже свистеть по-ихнему не умеет!

— Чей же я, а? — захныкал птенец. — Все от меня отказываются...

Задумались Синица, Сорока и Дрозд. Увидела их Кукушка, подлетела из любопытства. О чём задумались, спрашивает?

Так и так, отвечают, птенец какой-то ничейный: ни сам себя не знает, ни его не признаёт никто! Не твой ли случайно, а?

Посмотрела Кукушка на птенца и отвернулась:

— Откуда мне знать, я ведь птенцов своих никогда не видела. Мне до птенцов дела нет.

Посмотрел птенец на Кукушку и тоже глаза отвёл.

*Кукушка*

*Горихвост*

— Нет! — говорит. — Меня другие кормили. Эта какая-то серая и чужая, а у тех, помню, что-то родное красновато-рыжее было!

И тут появляется Горихвост с рыжеватой грудкой и красноватым хвостиком! И тревожно кричит:

— Фюить, цик-цик!

Что в переводе значит: «Страшно волнуюсь, единственный сынок у меня потерялся!»

— Не такой ли головатый и неуклюжий? — спрашивает Дрозд у Горихвоста.

— Что вы! — ужасается Горихвост. — Он самый в лесу красивый!

— И непохож ни на ястреба, ни на сыча? — спрашивает Синица.

— Что вы, что вы! — мечется Горихвост. — Да он как ласточка-касаточка!

— Такого мы не видали, — прострекотала Сорока.

— Есть тут один захудалый, на твоего совсем непохожий, — добавил Дрозд. — Вообще неизвестно чей!

Взглянул Горихвост на птенца да чуть с ветки и не свалился. Так обрадовался!

— Мой! — кричит. — Фють, цить-цить! Миленький, маленький, милашка! Ласточка-касаточка!

И птенец Горихвоста узнал по голосу и по цвету.

— Так вот кто я, оказывается, горихвост! Наконец-то узнал, кто я! И вы теперь знайте все!

И поскорее разинул свой красный рот, чтобы его накормили. Горихвост сел птенцу на голову и сунул в рот ему большую гусеницу.

— Ничего себе! — ахнул Дрозд. — Папа-то втрое меньше сынка! На голове сидит!

— А сын-то, глядите, ни в мать, ни в отца... — прошептала Синица.

И только Сорока задумчиво промолчала. Она догадалась, что к чему. Кукушка подкинула горихвосткам яйцо, и горихвостки высидели кукушонка. И вот считают его родным. И он их считает родными. И рады они друг другу и друг без друга не могут жить. А родная Кукушка птенца не узнала.

И он родную мать не узнал: они ведь никогда не встречались.

— И пусть, пусть будет так! — прострекотала Сорока. — Пусть все думают, что он горихвост!

— Раз уж так в лесу повелось, — свистнул Дрозд.

— Раз уж такая лесная тайна... — прошептала Синица.

И все умолкли.

*Рис. Н. Чарушина*

*Синица и дрозд*



*А. Некрасов*

## *От самых первых до самых сильных*

Сухое дерево, если попадёт в воду, не тонет, да ещё на себе может выдержать человека, а то и двух.

Когда это заметили, на сухих деревьях стали переправляться через большие реки, даже в море выходили верхом на бревне...

Потом стали выдалбливать середину бревна, борта надставляли досками и так постепенно научились строить настоящие морские корабли. Разные народы по-разному их строили, но лучше всего корабли получались у голландцев и у англичан: просторные, прочные, с высокими мачтами, с большими парусами в несколько этажей, с пушками на палубе... На таких и в океан выйти не страшно, и торговать удобно, а при случае и воевать можно.

У нас тоже свои были корабли. Лет триста назад к Чёрному морю выхода у нас не было — берега Чёрного и Азовского морей захватили турки. К Балтийскому морю пути тоже были закрыты — балтийские берега заняли немцы и шведы. Осталось у нашего народа одно Студёное море на Севере.

Трудно плавать по Студёному морю. Зимой частые бури, льды затирают. Англичане и голландцы сунулись было в северные моря, да ничего не получилось: одни погибли в пути, другие вернулись с полдороги...

А наши приспособились: научились строить не очень большие, зато очень прочные корабли. На каждом две мачты с парусами, а управлять ими можно

с палубы. На мачты не нужно лазать. Но самое главное в том, что под днищем приделаны большие полозья, вроде как у саней. Затрёт такой корабль во льдах — не беда!

Люди выходят на льдину. На канатах вытаскивают туда же корабль, а как разойдутся льды, опять спускают его в море. Назывались эти корабли кочами.

А были ещё русские корабли — шитики. Они так назывались потому, что их распаренными прутьями сшивали из отдельных частей. Шитики поменьше были, но всё равно на них и в море выходили, и по речкам плавали, и по суше их можно было переволакивать. Удобные корабли были кочи и шитики! Вот только воевать на них было не совсем сподручно: палубы маленькие, пушки поставить негде.

А нам в то время как раз пришлось воевать. В те годы нашей страной правил царь Пётр Первый.

Строительство русского флота
в Воронеже Петром Первым
в 1700 году

Мудрый это был царь и решительный. Он понимал, что без морской торговли России не обойтись. А тогда так было: хочешь на море торговать, учись на море воевать.

Вот он и начал учиться: ещё смолоду под Москвой, на Просяном пруду построил корабли, какие голландцы строили, с пушками, с высокими мачтами, со

сложными парусами. Всё как у голландцев. Хоть там на пруду и не очень просторно было, но всё-таки корабли ходили, пушки стреляли, матросы учились по мачтам лазать и на абордаж бросаться... А бояре смотрели и говорили: потешается молодой царь! Потому и корабли эти назвали потешными.

Когда Пётр вырос, он решил у турок отвоевать выход к Чёрному морю. Однако у турок был флот, а у нас не было. Тогда Пётр решил построить морской флот, но не на море, а в центре страны, на Дону, в Воронеже, и по весенней полой воде спустить его к Азову.

Тут уж не до потехи стало. Купцов объединили в «кумпанства» (компании) и заставили строить корабли. Пётр сам взял топор и показал русским мастерам, как нужно работать. Он-то в Голландии научился корабельному делу.

И вот выросли в верховьях Дона настоящие военно-морские корабли. Весной, когда Дон разлился, петровский флот неожиданно появился у стен крепости Азов. Турки думали, что у нас нет кораблей, а как увидели — испугались и сдались.

Вот нарисован один из воронежских кораблей, а рядом с ним Пётр I стоит смотрит, хорошо ли построен. Отлично видны растяжки, которые держат мачты. На растяжках ступеньки, как на верёвочной лестнице. Это чтобы на мачты лазать, паруса ставить и убирать. На таких кораблях воевать и побеждать можно!

С петровских времен у России передовой военный флот.

Флаг наш знают теперь во всех портах мира и везде уважают его честь и достоинство. А недавно корабль, построенный нашими учёными, инженерами и рабочими, принёс новую славу советскому флоту. Мы построили первый в мире атомный ледокол «Ленин». А потом построили новый атомный корабль — ледокол «Арктика». Он такой огромный и могучий, что никакие льды ему не страшны. А атомного топлива он может взять хоть на целый год. Но прославился этот корабль совсем коротким рейсом: он вышел из Мурманска, прошёл немного на восток, а потом прямо через тяжёлые льды к Северному полюсу! Это был первый корабль, который дошёл до полюса. Славная была одержана победа! А сейчас ледоколы «Арктика» и «Сибирь» ломают льды у северных берегов нашей страны и проводят вдоль них караваны кораблей. Теперь по Северному морскому пути корабли ходят и летом и зимой. Льды им больше не страшны!

---

*Рисунки и фрагмент картины ,,Строительство русского флота в Воронеже Петром Первым в 1700 году" А. МАКСИМОВА.*



# НАШИ ЛЮБИМЫЕ ХУДОЖНИКИ

Раньше, много-много лет назад, я очень любил книгу «Приключения Травки». Травка — это имя мальчика. Однажды папа решил вместе с Травкой отправиться за город. На вокзале Травка потерялся...

Чтобы догнать папу, Травка садится на паровоз, едет на электричке. С этого момента начинаются его забавные приключения. Он узнаёт много нового: почему ходят поезда в метро, как устроены трамвай и троллейбус. А ещё находит себе много хороших друзей, среди которых девочка по имени Солнечка. А ведь ничего этого он не узнал бы, если б не потерялся.

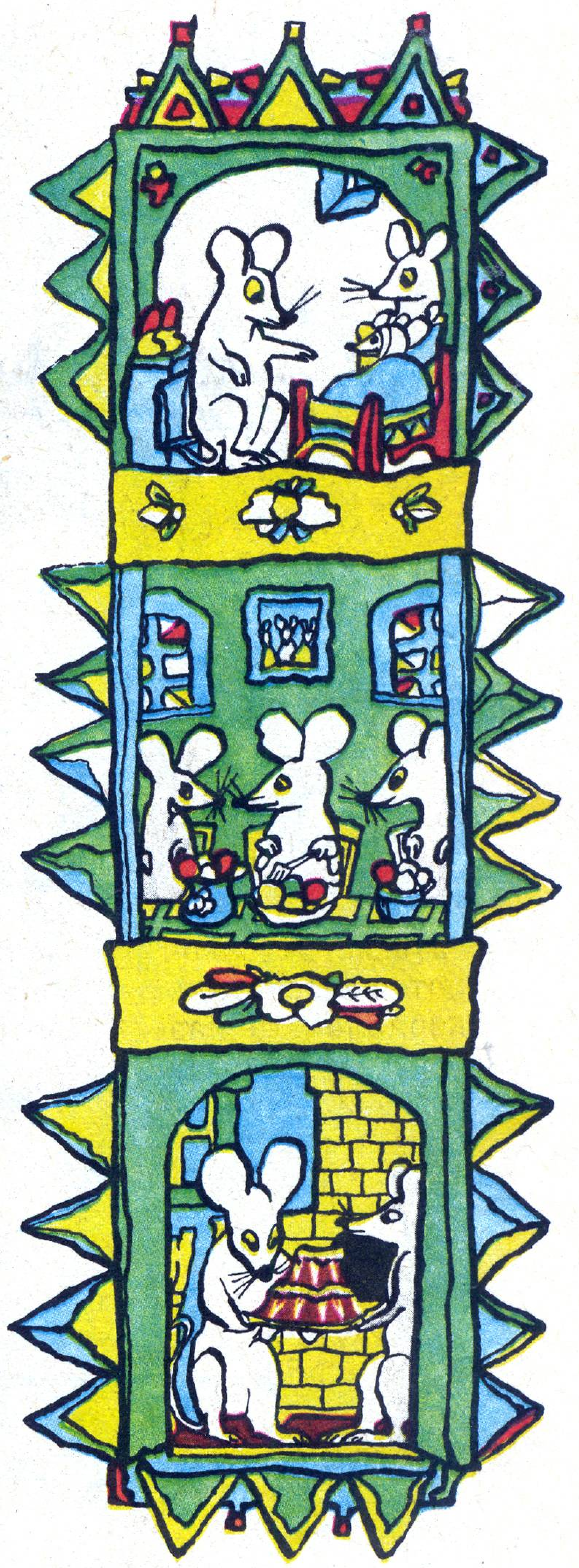
И ещё я часто вспоминаю о другом. Недалеко от дома, где я жил совсем маленьким, находились железнодорожные пути, но не синие, блестящие, по которым несутся быстрые составы, а почти ушедшие в землю, заросшие травой, на которых один вплотную к другому стояли старые, отжившие свой век паровозы с погнутыми поручнями, со ржавыми колёсами. Это было «паровозное кладбище». Я поднимался по лесенке в кабину машиниста, открывал топку, бросал туда из тендера воображаемый уголь и, глядя на манометр, дожидался, когда давление в котле достигнет нормы. Тогда я нажимал на реверс, и локомотив медленно трогался. Я выглядывал из окна вперёд, видел зелёный свет, и всё быстрее мой состав нёсся к станции. Я проходил её не останавливаясь, на всех парах и мчал, весь объятый дымом и паром, в открывающуюся даль, не замечая, что колёса моего локомотива выше осей заросли густой травой.

Давно я стал взрослым, но хорошо помню и хорошо знаю, как много открывает, начинает понимать и любить человек в свои семь, девять, десять лет благодаря книге, которая, конечно, с картинками, и их в книжке не одна-две, а много.

А ещё я знаю всё, что человеку интересно в детстве, зовёт его играть, воображать новую, удивительно интересную жизнь.

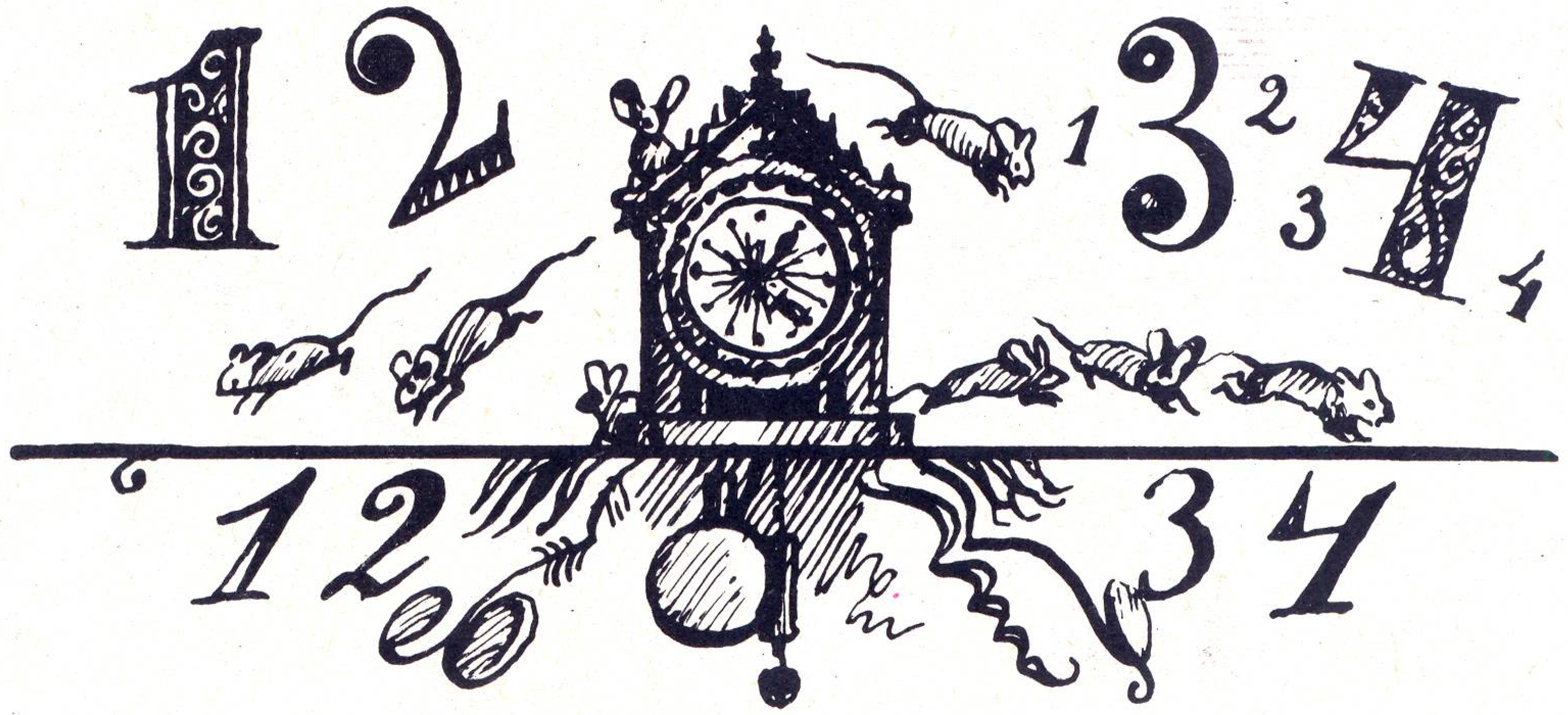
И вот я стараюсь рисовать так, чтобы была зацепка для фантазии, воображения, игры.

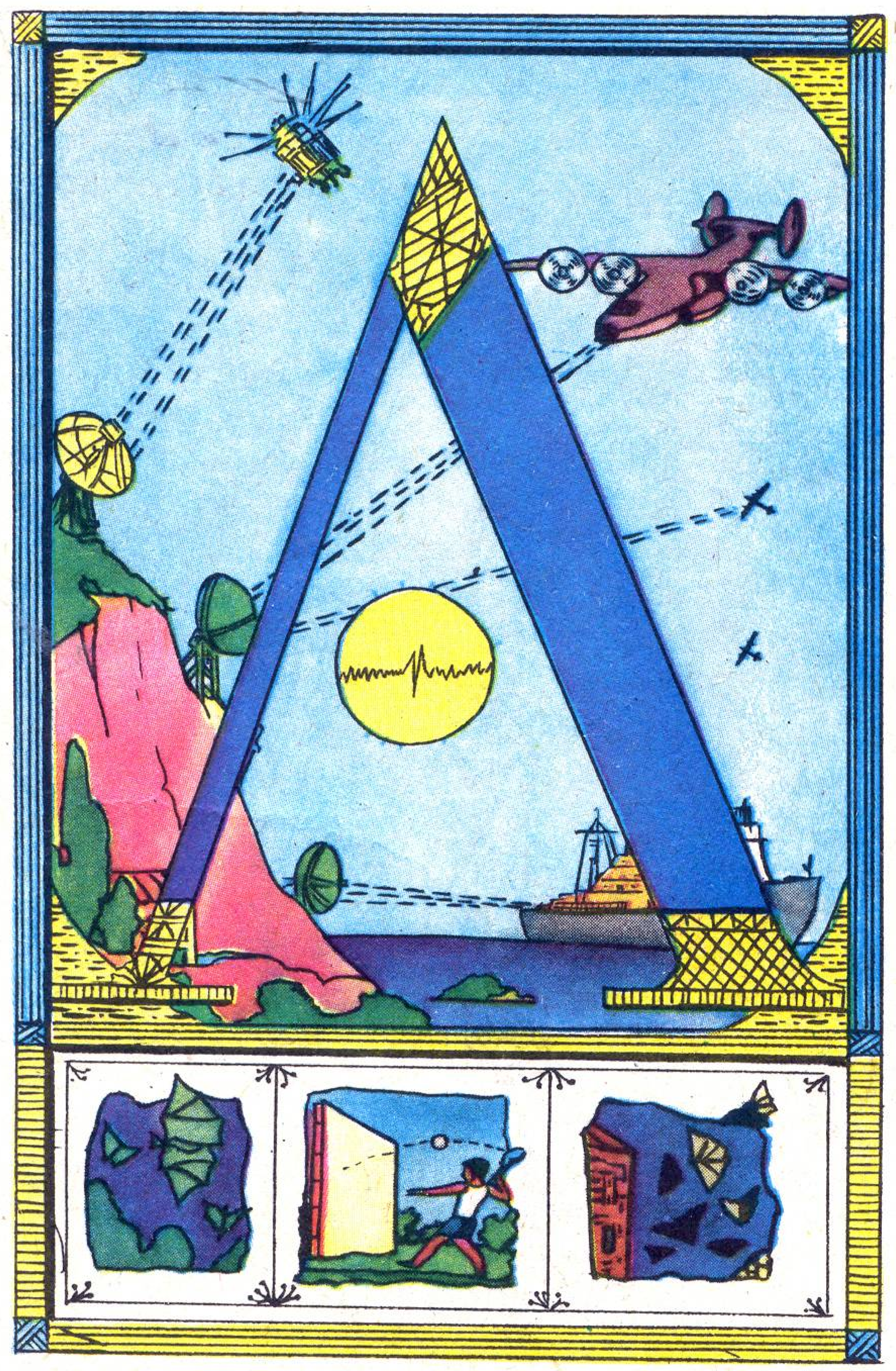
*Илья Кабаков*

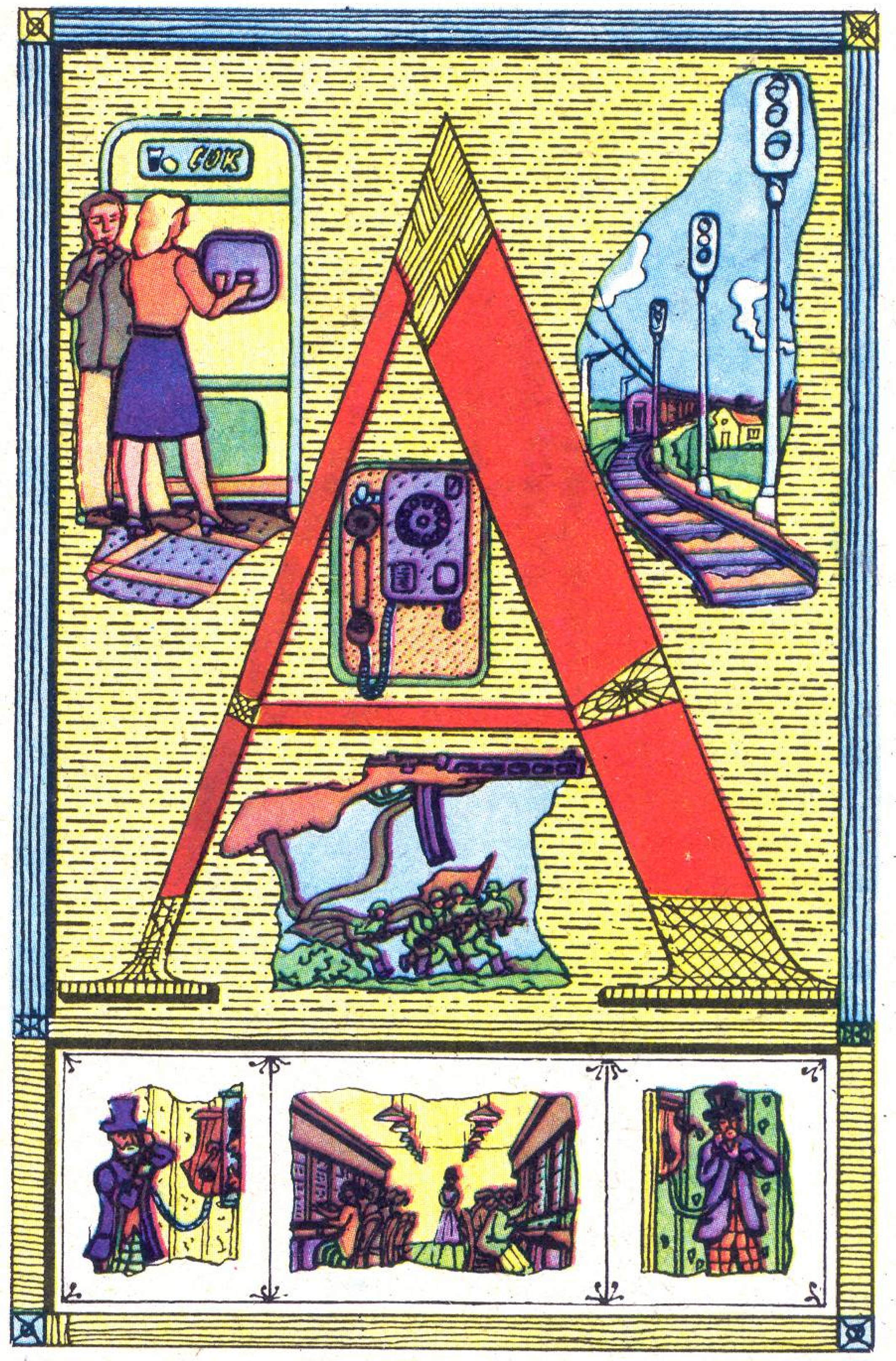


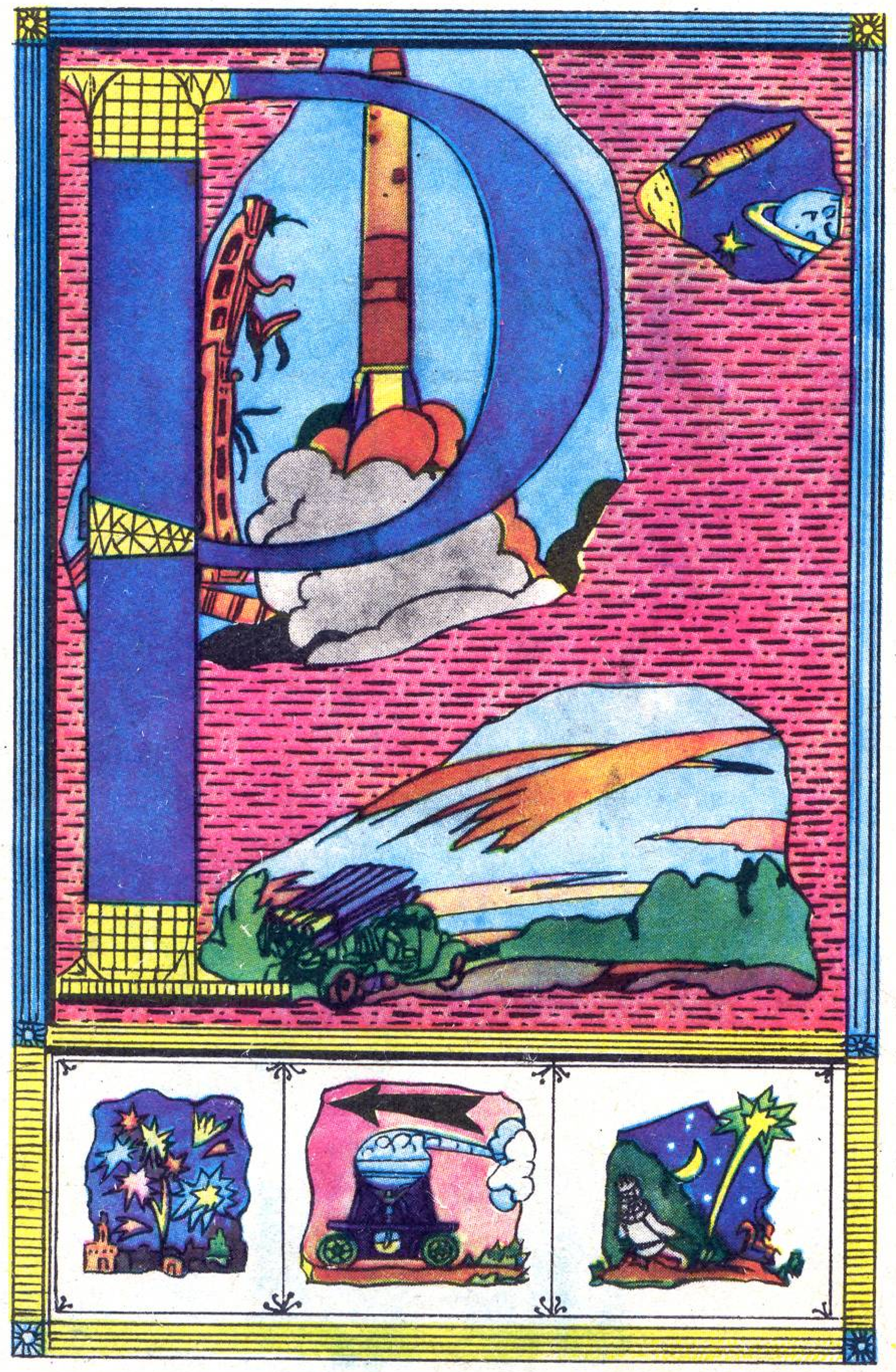
*С. Маршак.*
*«Дом, который построил Джек».*
*Иллюстрация.*

*А. Маркуша.*
*«А, Б, В».*
*Иллюстрации.*







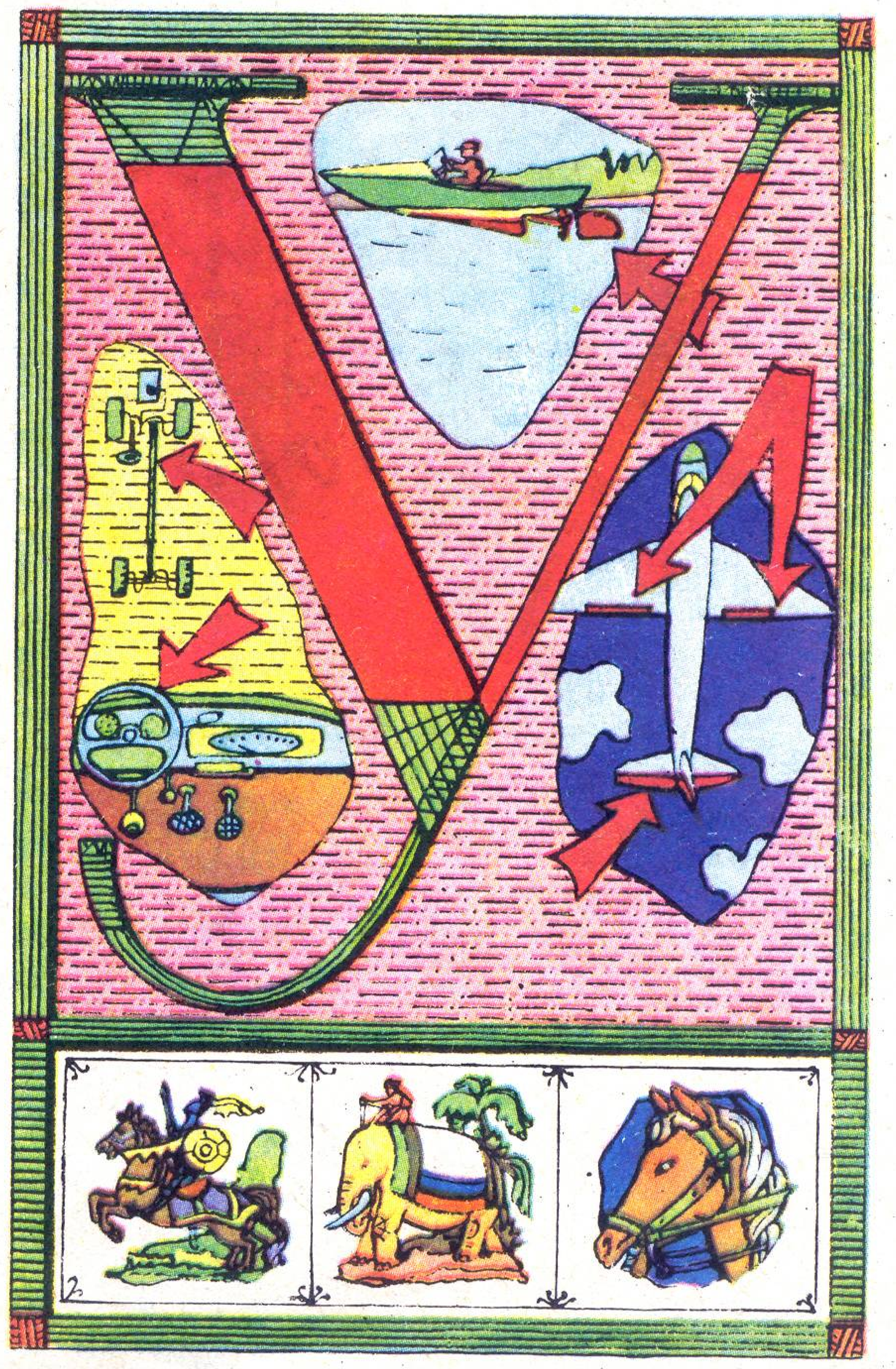


*Рис. Беньяминсона*

# ПРЫЖКИ В ВЫСОТУ

Лет семьдесят назад считалось, что прыжок в высоту на два метра — это предел. Выше человек не прыгнет. Каково же было европейским спортсменам, когда путешественники рассказали, что в Африке есть племя ватусси, мужчины которого прыгают на два с половиной метра? И вообще, в этом негритянском племени юноша не мог считать себя взрослым человеком до тех пор, пока не сумеет прыгнуть выше своего роста.

В самом деле, ватусси прыгали высоко. Но отталкивались при прыжке от термитника, который пружинил под ногой.

Долгое время первыми в прыжках в высоту были американцы. Как был установлен около ста лет назад рекорд Пейджем, так они и не уступали никому первенства. Первым, кто покончил с семидесятилетним господством американцев в этом виде прыжков, был наш Юрий Степанов. В 1957 году он победил американского спортсмена Дюмаса, превысив его мировой рекорд на один сантиметр.

Американцы не поверили своим глазам. Быть такого не может! Кое-кто даже распустил слух, что у Степанова специальные туфли. Его рекорд не хотели признавать. Кончилась эта история тем, что Степанов победил американца вторично и подарил ему на память свои «туфли-пружины», которые оказались самыми обычными туфлями.

О физическом развитии человека можно судить по тому, как он умеет прыгать в высоту. Хороший прыгун — всесторонне развитый спортсмен. Он бегает как спринтер, поднимает тяжести как штангист, ловок как акробат и вынослив как марафонец.

В олимпийскую программу входят прыжки в высоту, в длину, тройной прыжок и прыжки с шестом.

Пословица «Выше своей головы не прыгнешь» давно устарела. Американец Фрэнкли Джекобс при росте в 178 сантиметров прыгал выше своего роста на 54 сантиметра. Ему принадлежал рекорд 2 метра 32 сантиметра.

Опровергнуть эту пословицу помогли новые способы прыжка — «волна» и «перекат», «перекидной» и «фосбери-флоп».

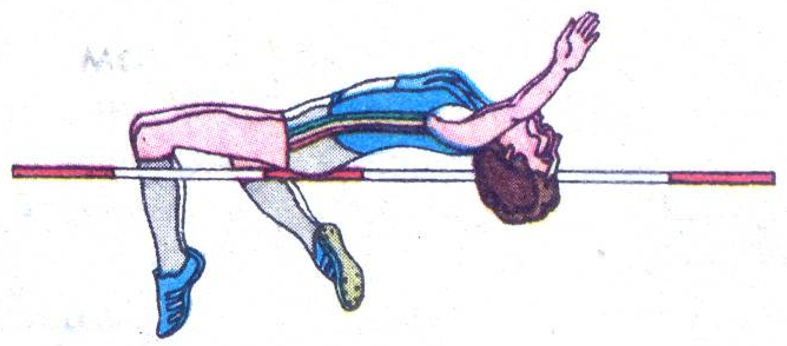
Мировой рекорд по прыжкам в высоту среди женщин принадлежит итальянке Сарре Симеони. Она преодолела планку в 2 метра 1 сантиметр.

Ученые подсчитали, что прыгун развивает во время прыжка мощность в шесть лошадиных сил.

Валерий Брумель трижды, с 1961 по 1963 год, признавался лучшим спортсменом мира. Сейчас лучший прыгун в высоту наш советский спортсмен Владимир Ященко. Его рекордный прыжок 2 метра 34 сантиметра.

Раннее увлечение лёгкой атлетикой — бегом и прыжками — самый верный путь к успеху в любом виде спорта. Например, с лёгкой атлетики начинал прославленный штангист, чемпион мира Юрий Власов. Легкоатлетические упражнения применяют в своей подготовке сильнейшие лыжники, конькобежцы, футболисты, боксёры и борцы.

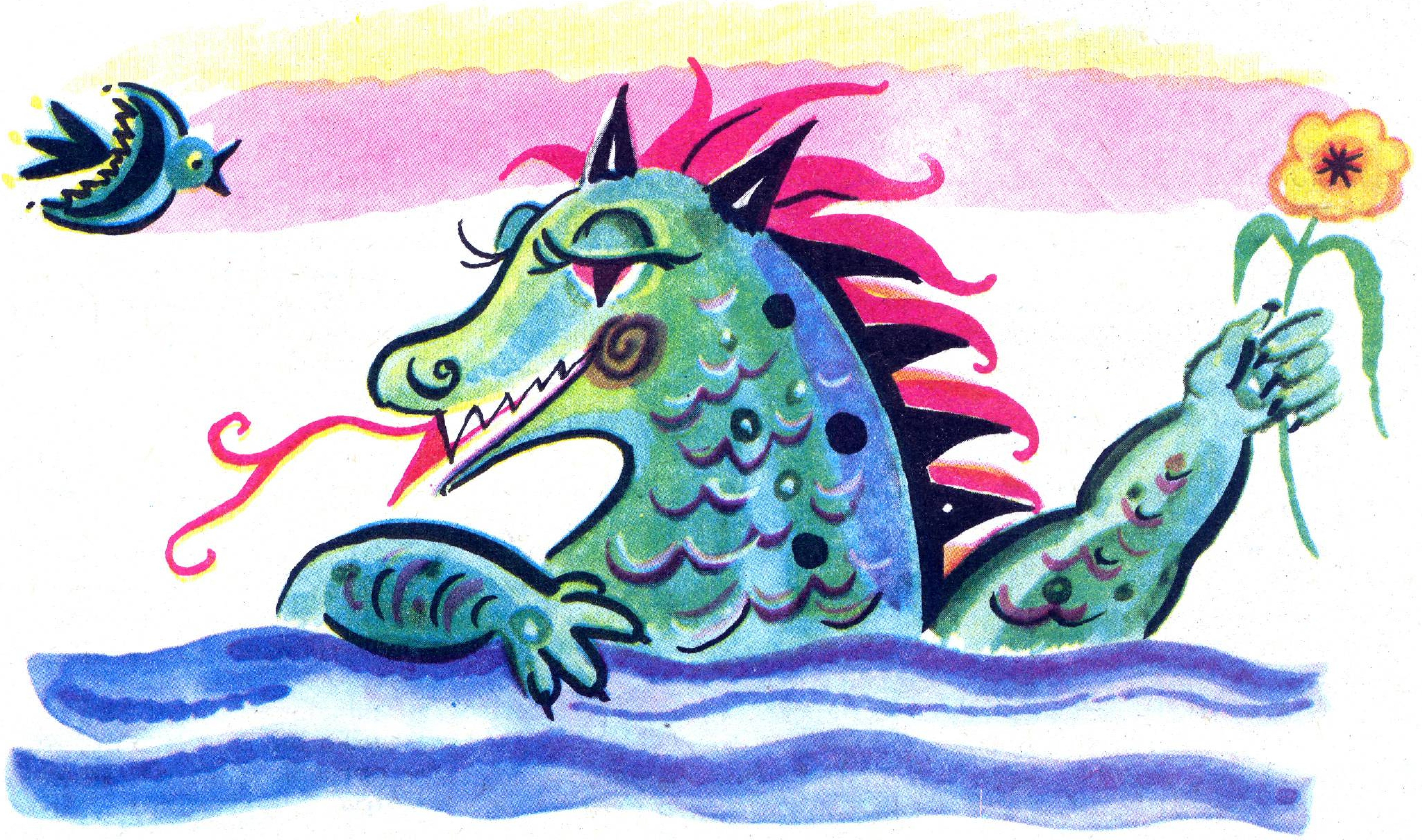
Но ошибётся тот, кто будет тренироваться много и бездумно, стремясь во что бы то ни стало и прыгнуть выше и дальше, и пробежать быстрее. Валерий Брумель, прежде чем стать прыгуном, ездил на велосипеде, играл в футбол и баскетбол, много плавал, поднимал тяжести. Даже став рекордсменом мира, он не оставил других видов спорта. И его можно было встретить и в бассейне, и в зале тяжёлой атлетики.





*Гельмут Ценкер,*
*австрийский писатель*

# ДРАКОН МАРТИН



Живёт Мартин на самом краю города. Он предпоследний в здешних местах дракон. А самым последним считается его брат Георг. Он на сто двадцать восемь лет младше Мартина.

Конечно, Мартин не лучшее имечко для дракона. Особенно если этому дракону через две недели стукнет пятьсот. Хотя, как известно, пятьсот лет для дракона не такой уж и возраст. Но что делать, раз и отец его был Мартин, и дедушка Мартин. В конце концов, не он же сам выбирал себе имя.

Что можно сказать о Мартине? Пожалуй, ничего особенного. Рост без малого четыре метра, глаза карие. Вот, собственно, и всё. Да, ещё кожа у него зелёная. А у драконов это вовсе не такой уж обычный цвет. Георг, например, жёлто-оранжевый. Кроме того, Георг иногда любит выражаться немного высокопарно. На него прямо вдруг что-то накатывает. Он начинает говорить фразами, которым научился лет триста назад. Можно подумать, что он так в тех временах и застрял. Но потом отойдёт и опять начинает изъясняться вполне нормально.

Перед тем как идти на работу, Георг и Мартин, если день тёплый, любят немного поплавать.

К счастью для Мартина и Георга, в лесу, который начинается прямо за их домом, как раз

есть подходящий пруд. Там почти никогда никого не бывает. А возле пруда полянка. Можно полежать и позагорать на утреннем солнышке. Георг это особенно любит. Он в воде только поплещется чуть-чуть — и на полянку. Поспать ещё немного. А Мартин предпочитает побыть в воде подольше, ему нравится полежать на спинке.

Вот так однажды он лежал, лежал и не заметил, как на дорогу, что вела к пруду, вышли двое детей. А когда заметил, вылезать из воды было уже поздно. И Георга уже не предупредишь. Он спал и ничего не видел.

Мартин нырнул, перевернулся под водой на брюхо и выставил из воды одни глаза.

Теперь он мог рассмотреть детей как следует. Это были девочка и мальчик. У девочки были каштановые волосы. Она бросала в воду мелкие камешки. Мальчик тоже швырялся сперва маленькими, потом стал выискивать камни побольше. «Небось хотел показать девочке, какой он сильный. Воображала», — подумал Мартин.

Тут довольно здоровый камень попал Мартину в спину. Он сумел удержаться и не вскрикнуть. Но тотчас второй камень угодил ему в голову. На этот раз Мартин не сдержался.

— Ой! — вскрикнул он.

Правда, вскрикнул он под водой. Однако дети что-то услышали.

— Это ты? — спросила девочка.

— Что? — не понял мальчик.

— Ну как будто булькнул?

— Чем я мог булькнуть? — обиделся тот.

И тут девочка увидела в пруду дракона. Она увидела глаза Мартина и показала пальцем:

— Смотри, Шурли, там что-то плавает. Что это?

Мальчик посмотрел в ту сторону, где прятался Мартин, вздрогнул и помчался к ближнему дереву. В мгновение ока он уже сидел на третьей снизу ветке. Там он опять почувствовал себя уверенно и заявил:

— Это крокодил. Неужели не видишь?

«Чудак!» — подумал Мартин. Он все ещё задерживал дыхание.

— Чудак! — сказала девочка. — Откуда здесь, в пруду, взяться крокодилу? Крокодилы бывают только в зоопарках. Или по телевизору.

На всякий случай она тоже забралась на дерево. С этого наблюдательного пункта оба продолжали следить за головой дракона.

Уходить отсюда они явно не собирались. Этого-то Мартин и опасался.

— Долго мы будем ждать? — поинтересовалась девочка.

— Не знаю, — сказал Шурли. — Кто бы там ни был, но должен же он когда-нибудь вынырнуть.

«Вот тут он прав», — подумал Мартин.

— А если это и вправду крокодил? — спросила девочка.

— Ну и что, — ответил мальчик. — Крокодилы не умеют лазать по деревьям.

Минут через пять Мартин сдался и с фырканьем высунулся из воды по пояс.

— Добрый день, — сказал он, отдышавшись. Ничего лучшего ему в голову не пришло. — Меня зовут Мартин.

Мальчик тем временем оказался уже на пятой ветке снизу, а девочка на четвёртой.

— А... а меня Шурли, — не сразу ответил мальчик. Хотя, похоже, он поначалу даже не удивился тому, что Мартин заговорил. — А это, — он показал вниз, на девочку, — моя сестра. Младшая.

— Франциска, — представилась девочка. — Или можно просто: Франци.

Мартин на всякий случай весь не вылезал из воды. «А то, — подумал он, — ещё испугаются, что я такой большой».

— Ты, видно, всё-таки не крокодил, — сказала Франци.

— Конечно, нет, — ответил он. — Я дракон.

Франци вытаращила глаза. Но Шурли был не так прост.

— Драконов не бывает, — заявил он. — А если они даже когда-нибудь и водились, теперь не осталось ни одного.

Сказав это, он тем не менее всё же перебрался на восьмую ветку. Выше лезть уже было некуда.

— Интересно, а я? — спросил Мартин.

*Рис. Б. Калаушина*

— Знаешь, где есть драконы? — обратилась Франци к брату. При этом ей пришлось совсем задрать голову, потому что она оставалась на четвёртой ветке. — В парке, на Пещерной железной дороге и на Дороге привидений.

— Вот, вот! — обрадовался Мартин. — Я и есть дракон Мартин с Пещерной железной дороги.

— Ага! — сказал Шурли. — А я, может, тогда тетушка Фини из Америки?

По-настоящему Мартину следовало бы дохнуть как следует пламенем, чтобы этот мальчишка слетел со своей ветки. Вот ведь какой наглый! Однако Мартин сохранял спокойствие.

— Допустим, — сказал он. — Вы мне не верите. Но, может, вы знаете моего брата? Он работает на Дороге привидений. Сидит там на крыше, чтоб люди пугались. Так вот, он лежит здесь, на поляне, и спит.

— Мы ещё никогда не были на Дороге привидений, — поспешил сказать Шурли. Он только тут увидел второго дракона и ухватился за дерево покрепче.

— И на Пещерной железной дороге тоже не были, — добавила Франци.

Мартин пожал плечами.

— Неважно, я только хочу сказать, что я дракон. А кто же я ещё?

Франци засмеялась и стала спускаться с дерева. Шурли было решил, что его сестрица сошла с ума.

— Вообще ты очень похож на дракона, – признала девочка. — Но всё-таки, наверное, ты что-то другое.

— Что же я, интересно?

Шурли вдруг догадался, про что подумала его сестра.

— Ряженый! — воскликнул он. — Ты просто ряженый! Нарядился в драконий костюм. Ну-ка кто там у тебя внутри?

И Шурли, засмеявшись, тоже стал слезать с дерева.

— У меня внутри нет никого, — сказал Мартин. — Вот, — он как следует ущипнул свою толстую кожу. — Я — это я. И я настоящий.

— Хорошо, — возразила Франци. — Но если ты настоящий дракон, почему у тебя всего одна голова? Я читала, что у драконов бывает не меньше трёх голов.

— Это всё сказки, — прервал её Мартин. — Драконы всегда были только одноголовые, и до сих пор у них всех только одна голова. Этого вполне достаточно... А теперь прошу прощения, могу я выйти из воды?

— Пожалуйста, — ответил Шурли и отступил на два шага к дереву.

Мартин вышел на берег. Теперь Франци смотрела на него снизу вверх.

— Ого, — сказала она. — У него и крылья есть.

— Настоящие драконы не умеют разговаривать, — спохватился замолкший было Шурли. — А почему ты умеешь?

— Потому что я учился. Я многому чему учился, чего не умеют обычные драконы. Например, умею писать. И есть с ножом и вилкой. И в футбол играть.

Франци и Шурли смотрели на него по-прежнему недоверчиво.

— Хорошо, тогда давайте разбудим моего брата, — предложил Мартин. — Ему-то вы, может, поверите.

Георг спал, лёжа на животе. Мартин хорошенько потряс его за плечо. Не помогло. Тогда Мартин дал ему небольшого пинка. Лишь тогда Георг медленно приподнял голову.

— Знакомься, это Франци, — сказал Мартин, — а это Шурли.

Георг поднялся, сделал небольшой поклон и протянул детям своё правое крыло.

— Очень приятно, — провозгласил он. — Позвольте выразить своё крайнее восхищение возможностью познакомиться с вами.

— Ты что, спятил? — сказал Мартин.

Но Георг уже заговорил нормально. Просто на него очередной раз накатило.

— Что стряслось? — поинтересовался он. Теперь голос у него стал раздражённый.

— Георг, — попросил Мартин, — объясни им, пожалуйста, кто ты такой?

— Как кто? — не понял Георг. Лицо его изобразило удивление. — Разумеется, дракон. Я уже триста семьдесят два года дракон. И ты меня разбудил, чтобы задать такой глупый вопрос?

Шурли переглянулся с сестрой.

— А может, твой брат говорит неправду? — сказал он Мартину.

— Что?! — разволновался Георг. Он уже окончательно проснулся. — Что ты хочешь сказать? Драконы не лгут никогда! Никогда!

Георг пришёл просто в бешенство.

— Нет, я сейчас испепелю этого мальчишку, — шепнул он своему братцу и даже разинул уже пасть.

— Не зарывайся, — сказал ему Мартин.

Вообще говоря, всякий дракон может изрыгать огонь. Но Георг это делать уже разучился. Он слишком давно в этом не упражнялся. Самое большее, на что его хватало, — раскалить самый кончик языка. И Мартин тоже разучился. Он рассказал, что хозяин, у которого он работал, прикуривал от его языка сигарету, если оставлял дома спички.

— Драконам незачем работать, — не отступалась Франци.

— Почему это незачем? — полюбопытствовал Мартин.

— Потому что у любого дракона бывает сокровище, которое он стережёт. Зачем же работать, когда есть сокровище?

— Ну что за вздор! — сказал Мартин. — Ты, наверное, и про это где-нибудь вычитала?

Франци кивнула.

Георг захлопнул пасть.

— А кем ты работаешь на Пещерной железной дороге? — спросил Мартина Шурли.

Тот удивился:

— Конечно, драконом.

— Смешно: дракон работает драконом.

Георг и Мартин уставились на Шурли, не понимая.

— Ну вот я мальчик, — пояснил он. — Как же я могу работать мальчиком?

«Пожалуй, он в чём-то прав», — подумал Мартин.

Прошло добрых полчаса, пока Франци и Шурли согласились поверить, что перед ними два самых настоящих дракона. Во всяком случае, пока. За это Георг пригласил их на завтра к вечеру в гости.

***Продолжение в следующем номере***

*Перевёл с немецкого М. Харитонов*

Атом, в котором оказались наши путешественники, находился в стране Молекуле. (1) Античастицы — частицы, у которых всё устроено наоборот, — попадались здесь редко. Не подходила им обстановка.

В Молекуле вся жизнь, все отношения между частицами строились на честности, доброте, заботе о других. В Антимолекуле, откуда родом был античастица Жора, всё было наоборот (2).

## СОН ВОСЬМОЙ

## «АНТИКОМПОТ»

Жора шёл домой. По обеим сторонам улицы тянулись антидома. Между ними попадались антикиоски с антимороженым. Жора купил антипломбир за 19 копеек и мгновенно перегрел горло. У него вспыхнул антинасморк.

«Нужно принять антибиотик, (3) — подумал он, — кажется, он как раз от насморка» (4).

...Жители Антимолекулы даже в мелочах всё делали наоборот.

Если они, например, садились обедать, то первое, уж конечно, наливали не в тарелки и, понятное дело, ели его не ложками. Всё было наоборот. Суп разливали в ложки и затем тарелками его хлебали.

Это было, конечно, не очень удобно. Ложки были слишком малы для этого, а тарелки чересчур велики.

Поэтому ложки стали делать большущими, как миски. И без ручек — за них всё время цеплялись, и ложки опрокидывались. А потом уже их стали делать фарфоровыми — металл очень нагревался и обжигал руки.

Тарелки же, наоборот, сделали маленькими и металлическими. Для удобства к ним приделали железную же ручку.

...Проголодавшийся Жора сел за стол. Антиобед, как вы догадались, тоже был обедом «наоборот». Начал его античастица Жора, как и положено, с третьего.

На третье был компот. Вернее, антикомпот. Ну и конечно, «компот наоборот» варился не из сухофруктов и сахара. Он был сварен, смешно сказать, из капусты и мяса. К тому же его солили.

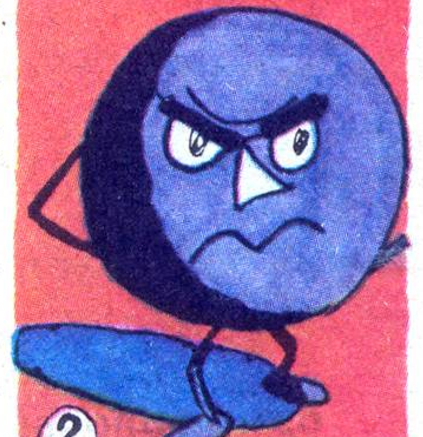
Зато второе блюдо, которое, как известно, находится посередине обеда, ничем не отличалось от антивторого — те же котлеты с картошкой.

Под конец антиобеда было первое. Но и оно, как вы понимаете, было «наоборот». Суп был заправлен сухими яблоками, грушами и сливами. К тому же он был сладким.

Так что внешне антиобед выглядел довольно обычно, но вы видели, какая за всем этим крылась сложность.

...Жизнь в Антимолекуле внешне тоже выглядела привычно. Так же античастицы крутились по своим орбитам или находились в антиядре. Так же при встрече приветствовали друг друга и улыбались. Но всё здесь было по-другому...

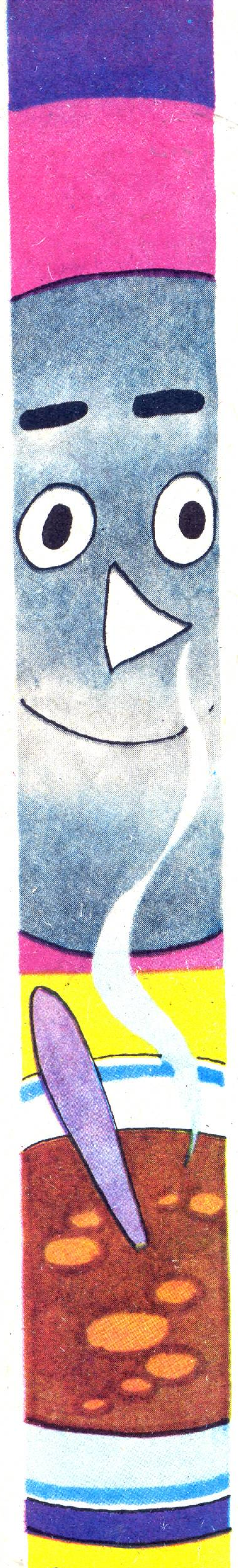
(1) **Атомы соединяются между собой в молекулы. В молекулах уже проявляются химические свойства вещества.**

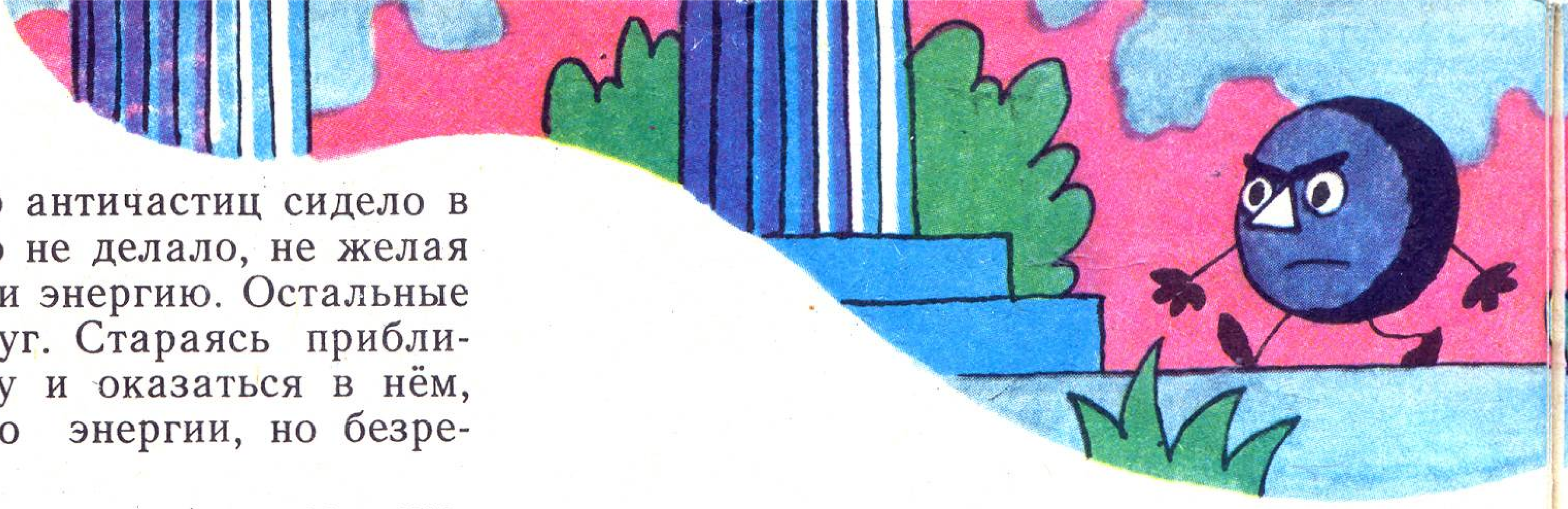


(2) **Напомним, что приставка «АНТИ» означает «наоборот», «против». Учёные допускают существование АНТИМИРА, в котором АНТИВЕЩЕСТВО состоит из АНТИЧАСТИЦ. У АНТИЧАСТИЦ все свойства противоположны свойствам обычных электронов, протонов и др.**

(3) **Жора ошибся: антибиотик — это лекарство нашего мира. Ему, возможно, помог бы антиантибиотик — антилекарство.**

(4) **Антибиотиком, как и вообще всяким лекарством, нельзя пользоваться без совета врача.**





Небольшое число античастиц сидело в антиядрах и ничего не делало, не желая тратить свои силы и энергию. Остальные же крутились вокруг. Стараясь приблизиться к антиядру и оказаться в нём, они тратили много энергии, но безрезультатно. (5)

Позитроны, конечно, часто возмущались, что их энергией пользуются бездельники, сидящие в антиядре. Но ничего решительного не предпринимали. Ведь каждый сам надеялся оказаться на их месте.

На этом и держался антимир.

...Кончив антиобед, Жора поднял глаза к антиполу (потолку) и стал думать, как он отомстит Мурзилке, «племяннику» и «частичкам».

«Нужно сделать так, чтобы мальчишки-электроны сами превратились в античастиц. Чтобы стали злыми, лживыми и безжалостными. Тогда они сами за меня отомстят». И Жора стал дальше разрабатывать свой коварный план.

«Для начала нужно перессорить электронов между собой. Что бы придумать?.. О! Спецмяч!»

...Разговаривать в Антимолекуле было так же сложно, как и обедать. Внешне это было совсем незаметно. Но при этом происходила громадная работа по переиначиванию «первого блюда в третье» и наоборот.

Направляясь к мастерской, где он надеялся заказать специальный мяч, античастица Жора прикидывал в уме: «Мяч мне нужен срочно. Если я вежливо об этом попрошу, то ничего не добьюсь. В мастерской поймут, что можно тянуть сколько угодно — меня бояться нечего. Но если я буду держаться небрежно и вызывающе, они поймут, что я хитрю, — это ведь первое, что приходит на ум. Поэтому всё же буду вежлив и корректен. Это собьёт их с толку...»

Ох, сложно, сложно вести разговоры в антимире!

...На следующий день спецмяч был готов. Античастица Жора залез в него, захлопнул люк и огляделся: «Тесновато!»

Мяч был Жориного размера и сидел как сшитый по заказу костюм. Механизм управления был расположен удобно, приборная доска прямо перед глазами, и теснота не мешала. Поролоновая прокладка, амортизаторы и мягкая подвеска предохраняли водителя от возможных ударов по мячу.

Жора отпустил тормоз, включил двигатель, и мяч торопливо поднялся в воздух.

...Раздался свисток, и нога Мурзилки нанесла первый удар по мячу. И хотя Мурзилка лишь едва его коснулся, удар получился сильным. Он получился очень мощным и довольно-таки не в ту сторону. Мяч уверенно летел в ворота команды Мурзилки.

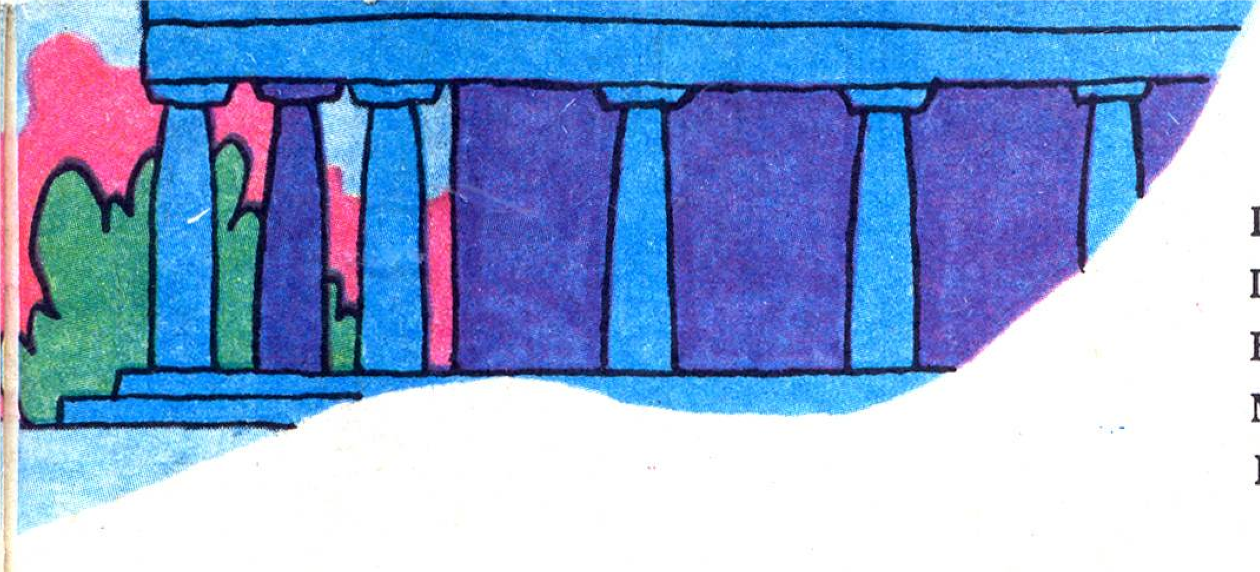
Один из электронов-защитников подставил ногу, мяч срезался и неторопливо двинулся дальше, с некоторым даже уважением огибая остальных игроков команды.

Подлетев к вратарю, мяч на манер искусственного спутника Земли сделал несколько оборотов вокруг него и плавно опустился в угол ворот. Сильно озадаченный вратарь успел лишь несколько раз хлопнуть ладонями по воздуху, будто ловил моль.

Мёртвая тишина длилась не очень долго.

Долго длилось то, что наоборот: крики, взаимные обвинения и беззвучные, правда, кручения пальцем у виска.

(5) **Каждый электрон вращается вокруг ядра атома, в АНТИАТОМЕ происходит то же самое, но только с антиэлектронами — их называют позитронами.**



Едва начали с центра поля, как мяч весело запрыгал по знакомой уже дорожке в ворота. Как заведённый он взвился в воздух у ног вратаря, но пронёсся между его распростёртых рук и влетел под планку.

К перерыву счёт был ничейным: 23:23. Причём все голы и команда Мурзилки, и команда, в которой играл Шиворот-Навыворот, забили в собственные ворота.

Мрачные, переругиваясь и бросая косые взгляды, игроки сидели на траве. Мурзилка встревоженно наблюдал за ребятами: неужели эти нелепые голы перессорили их между собой?

К футбольному полю подошёл со скрипкой нейтрон Костя.

— Костик, сыграй нам чего-нибудь, — попросил Мурзилка.

Должно быть, действительно великим был композитор, который написал эту музыку.

Костя играл, и смешными и ничтожными начинали казаться разные мелкие неприятности. Думалось, что скоро произойдёт что-то большое и радостное: начнутся каникулы, родители купят щенка или в школах отменят двойки.

Музыка смолкла.

Мурзилка посмотрел на ребят. Недружелюбный огонёк погас в их глазах. Они стали переговариваться, кто-то улыбнулся.

К Мурзилке подошёл электрон Толя, поправил очки, откашлялся.

— Я тут проанализировал траекторию движения мяча. Учёл такие факторы, как скорость и направление ветра, притяжение земли, вращение мяча вокруг своей оси. Напрашивается определённый вывод, — он помедлил. — Движение мяча кем-то направляется. Извне или... или изнутри.

— Изнутри? — Шиворот-Навыворот с негодованием посмотрел на лежащий на земле мяч.

Античастица Жора почуял неладное. Он лихорадочно включил зажигание, стал отжимать сцепление, и в это время сильный удар потряс аппарат и Жору.

Сразу отказали рули высоты, система наблюдения, и Жора охнул. Тревожно замигали аварийные лампочки на пульте. Направленный безжалостной ногой «племянника» мяч летел в ворота.

Но не повезло, ох не повезло античастице! Ведь в самый угол, казалось, летел мяч. Верная, казалось, «девятка». Но в штангу угодил он. И не отскочил в поле, а грустно и безвольно шлёпнулся на траву.

Откинулся люк, и оттуда проворно выскочил пришедший в себя Жора. Он быстро затрусил прочь, что-то недовольно бормоча под нос и зло оглядываясь.

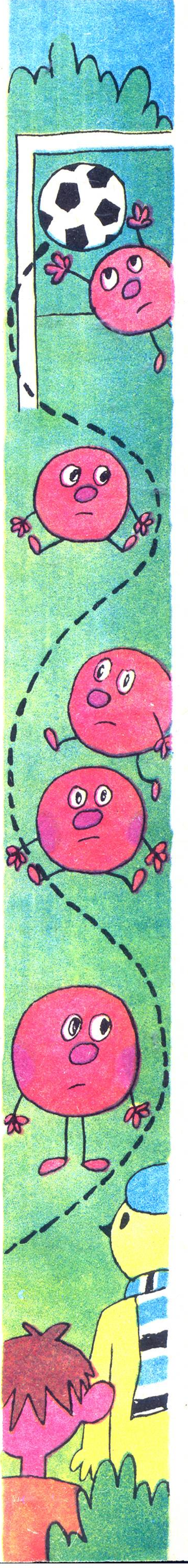
• • •

**На этом сон заканчивается. Но вы ведь, наверное, знаете, что на ночь нужно читать вещи спокойные. А у нас тут вон чего получилось. Поэтому закончим такой сценой.**

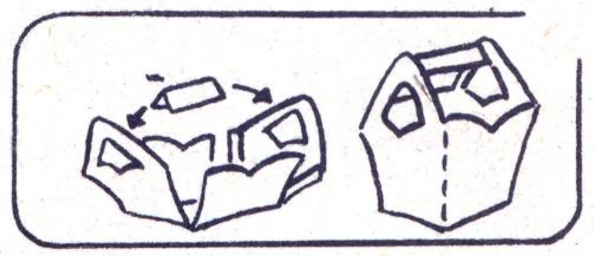
Солнце клонилось к вечеру. Деревья устало шевелили листьями под лёгким вечерним ветерком. Голоса птиц становились слабее, задумчивее, небо делалось всё синее...

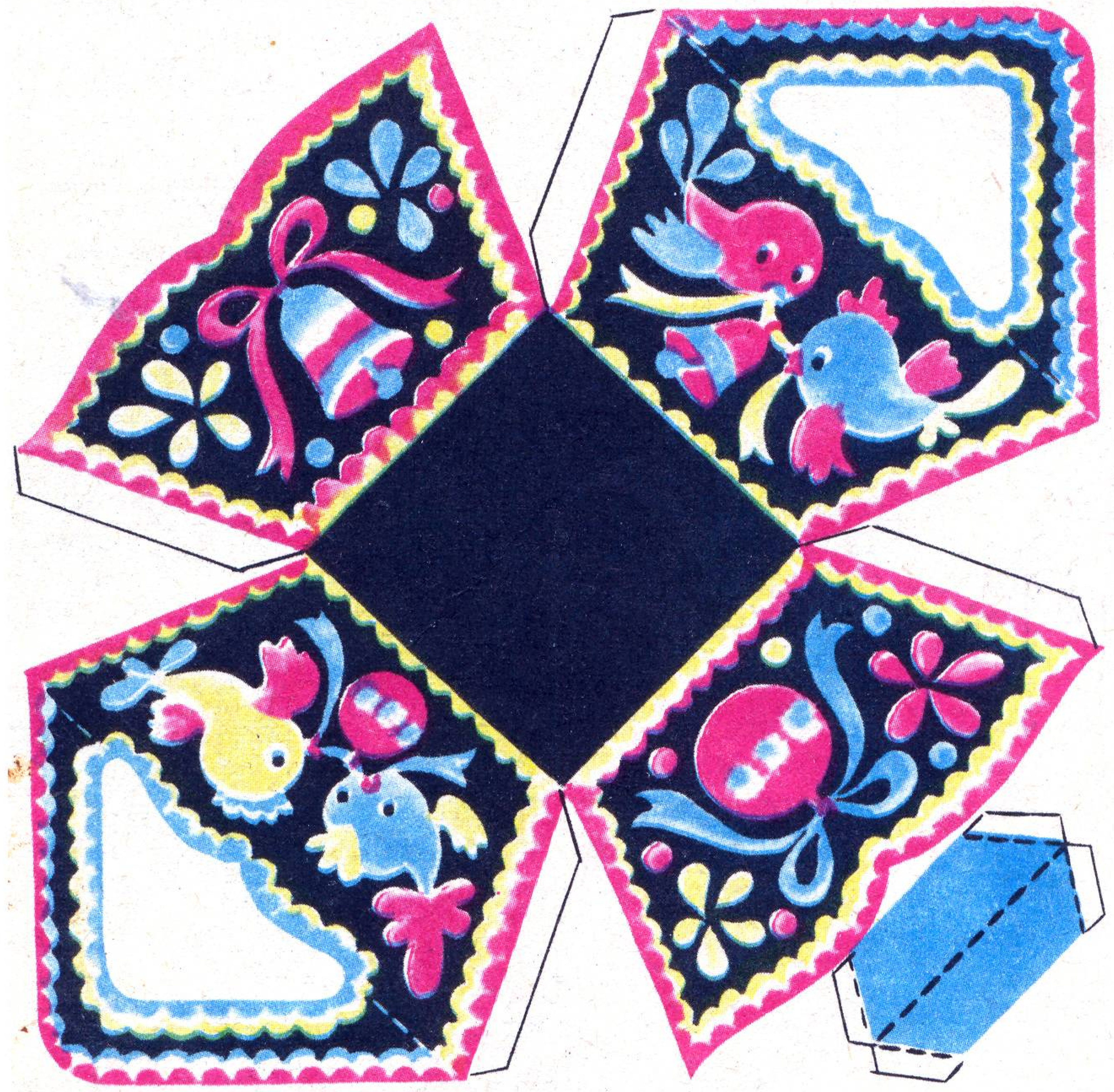
Как вдруг из-за кустов показался... **Э-э! Куда это нас опять повело! Ладно, спите.**

**Всё.**



**СДЕЛАЙ КОРЗИНОЧКУ ПО ОБРАЗЦУ**





# Песенка для тебя

*Слова Ю. Михайлова*
*Музыка А. Рыбникова*

Если долго, долго, долго,
Если долго по дорожке,
Если долго по тропинке
Топать, ехать и бежать,
То, пожалуй, то, конечно,
То, наверно, верно, верно,
То возможно, можно, можно,
Можно в Африку прийти.

ПРИПЕВ:

В Африке реки вот такой ширины,
В Африке горы вот такой вышины.
Ах, крокодилы, бегемоты,
Ах, обезьяны, кашалоты,
Ах, и зелёный попугай,
И зелёный попугай.

И как только, только, только
И как только на тропинке,
И как только на дорожке
Встречу я кого-нибудь,
То тому, кого я встречу,
Даже зверю верю, верю,
Не забуду, буду, буду,
Буду «здрасьте» говорить.

ПРИПЕВ.

Но, конечно, но, конечно,
Если ты такой ленивый,
Если ты такой пугливый,
Сиди дома, не гуляй.
Ни к чему тебе дороги,
Косогоры, горы, горы,
Буераки, реки, раки,
Руки, ноги береги.

ПРИПЕВ.

*А. Кондратьев*

## ОБЛАКА

— Облака,
Не превращайтесь в тучи, —
Разве облаками жить
Не лучше?
Не греметь
И молний не метать...
— И тебя, трусишка,
Не пугать?..

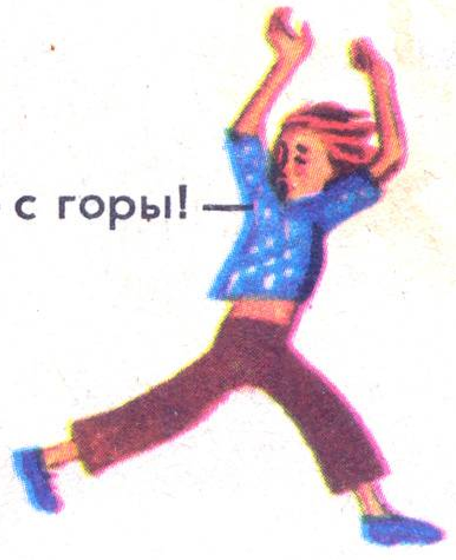
*О. Поляков*

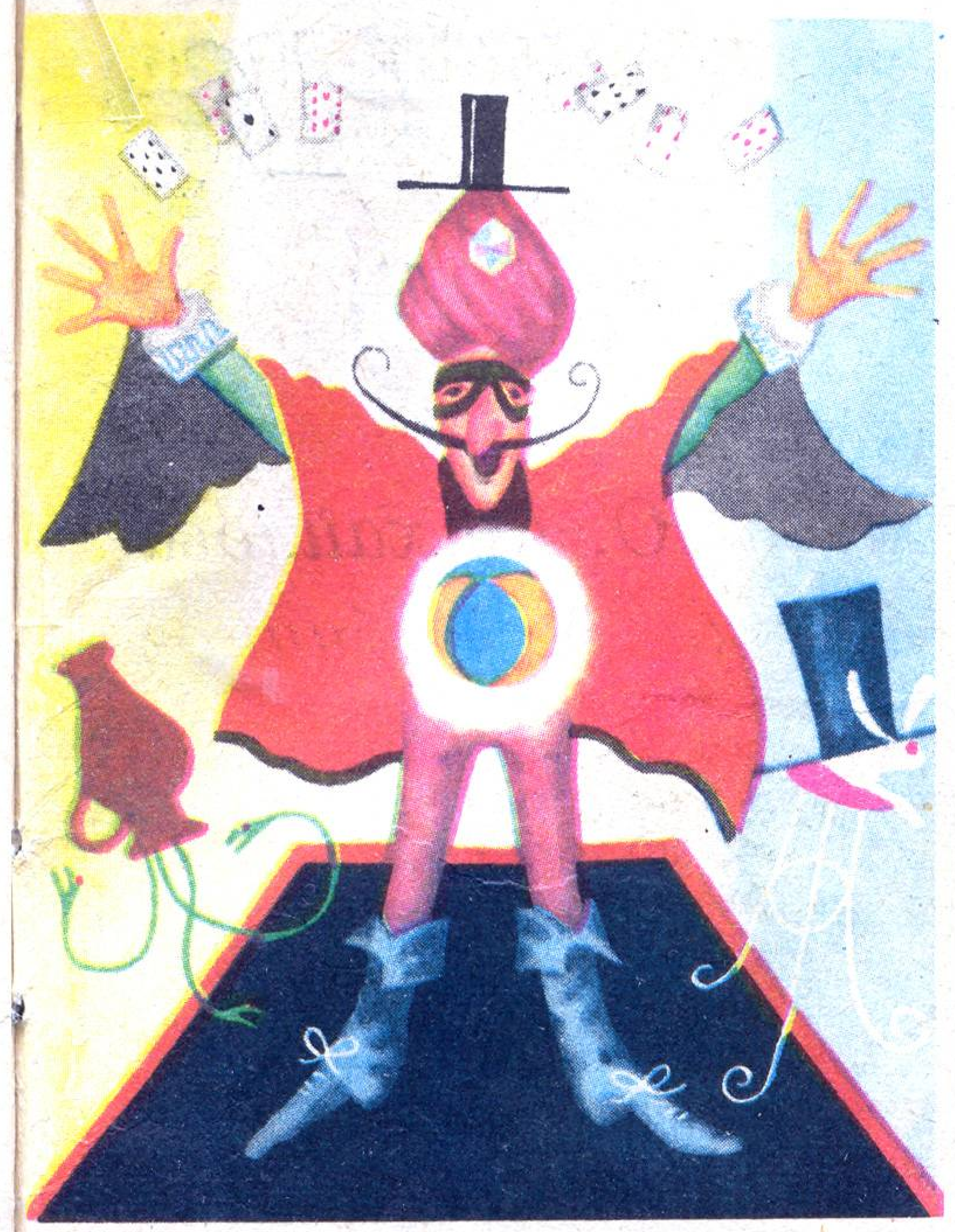
## РОГАТОЕ ЭХО

Я однажды у ореха
Крикнул эху:
— Где ты, эхо?
Покажись мне одному! —
Отвечало эхо:
— Му-у-у!..

Я его окликнул снова:
— Ты, быть может, как корова?
Может, у тебя рога? —
А оно мне:
— Га-га-га!..

Я тогда подумал: может,
На гусей оно похоже?
— Слезь, — кричу ему, — с горы! —
А оно сердито:
— Р-р-ры!..
Тут и храбрый струсит —
Вдруг ещё укусит?!





Чем отличаются эти рисунки?

*И. Гамазкова*

## КЕНГУРЁНОК

Все говорят, что с такими ногами
Я далеко поскачу!
И потому я у мамы в кармане
Больше сидеть не хочу!
Попробуйте, если хотите,
В кармане весь день посидите...

*Рис. Д. Махашвили,*
*Е. Немировой,*
*Г. Соколова,*
*В. Хлебниковой,*
*Г. Юрченко*

**Из какого крана какая краска потечёт?**

# загадки

*Г. Семёнов*

Нам в дождь и в зной
Поможет друг,
Зелёный и хороший —
Протянет нам десятки рук
И тысячи ладошек.
(Дерево)

*Л. Сандлер*

Падает горошком,
Скачет по дорожкам.
(Град)

**ЖУРНАЛ ИЗДАЁТСЯ С МАЯ 1924 ГОДА**

Главный редактор
**В. МАТВЕЕВ**

Редколлегия:
**З. Александрова, С. Алексеев, А. Барто, Н. Емельянова, Е. Ершова** (зам. главного редактора), **Ю. Казаков, М. Коршунов, Т. Котницкая, В. Лосин, А. Митяев, К. Орлова** (ответственный секретарь), **Е. Рачёв, В. Чижиков**

Редактор отдела художественного оформления
**Г. Макавеева**

Технический редактор
**Г. Белова**

Сдано в набор 12.06.79.
Подписано в печать 10.07.79.
Формат 84×108 1/16.
Печать офсетная.
Условн. печ. л. 3,36.
Уч.-изд. л. 4.
Тираж 5 800 000 экз.
Цена 10 коп.
Заказ 923.

Адрес редакции журнала «Мурзилка»: 125015, Москва, А-15, Новодмитровская ул., д. 5а.
Телефон 285-88-77.

**Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»**

*Макет К. ОСТОЛЬ-СКОГО*

*На обложке литография Н. ЧАРУШИНА*

# Мой любимый зверь

**НАШ КОНКУРС**

*„Звери в цирке".*
*Денис Ганушкин, 6 лет. Москва*

*„Лесной врач".*
*Заур Хараев, 9 лет. Нальчик*

**Цена 10 коп.**
**Индекс 70553**